

Николай Косых

***Люблю тебя любой,
Россия***

Русская поэзия

Межрегиональный благотворительный
общественный фонд «Глас ангельский Руси»

Москва
2019

*То запоем, то в раскачку
Я пишу, пишу, пишу...
И, стирая грязь, как прачка,
Я поэзией дышу.
Я дышу войной и болью,
Как ей дышит весь народ.
И в его российской доле
Поласкаю Божий пот.*

Николай Косых

Несколько слов о поэзии Николая Косых

Эта книга стихов Николая Косых, в которую вошла большая подборка его ранних произведений, оправдывает своё название. В ней, действительно, Россия представлена во многих своих проявлениях – от низких и даже подлых, до великих и поистине Божественных. Лирический герой Николая Косых ведёт напряжённую духовную брань с самим собой, со своей страстной натурой и своими грехами. Он мучительно ищет ответы на порой неразрешимые вопросы, которые ставит перед ним наше непростое время. Иногда он находит эти ответы, но, зачастую, так и остаётся стоять в недоумении перед непостижимой тайной бытия. Но когда читаешь стихи Николая Косых, начинаешь понимать, что это единственно правильное духовное состояние каждого человека, живущего на земле – вечно стремиться к истине, и не находить её здесь, в нашем бренном мире. Ибо Истина – во Христе. Она – на Небе, в Вечности.

Необычный ракурс, под которым смотрит Николай Косых на окружающую его действительность, делает его поэзию уникальным явлением в русской литературе XXI столетия. В том и заключается предназначение настоящего поэта, чтобы показать людям их мир под таким новым углом зрения, при котором они скажут: «Мы же это видели каждый день, но почему никогда не замечали?». Свежие, пока ещё не привычные для современного читателя, образы придают особый колорит стихам Николая Косых. А главное, они возводят его поэзию в особый ранг стихотворного творчества, который выделяет поэта из огромной массы современной нам «пишущей братии». Дело в том, что подавляющее

большинство нынешних патриотических и религиозных «стихописцев» работают по лекалам XIX и XX столетий. Это то, что касается формальной стороны их творчества. Если же рассматривать мировоззренческую основу их произведений, то это или зарифмованные газетные статьи и декларативные заявления, или так называемый «православный гламур», в котором православная Россия представлена страной золотых куполов в окружении красивой природы – и только. Но Святая Русь – это, прежде всего, русские люди, с их достоинствами и недостатками, с их неутолимой жаждой Божественной справедливости. Эта книга – о них. Она посвящена русскому народу, неотъемлемой частью которого является русский поэт.

Николай Косых – человек верующий. Его ранние стихи как нельзя лучше иллюстрируют тот тернистый путь, который привёл поэта к Православию.

За весомый вклад в дело развития современной русской литературы в частности и культуры в целом Межрегиональный благотворительный общественный фонд «Глас ангельский Руси» наградил Николая Косых главной наградой Фонда «Ангел трубящий».

Александр Козин, писатель

Высоко парит российский гений,
Над планетой гордо реет он!
Можно нас поставить на колени...
Только в храме, у святых икон.

Иван Торопов

С Богом – по жизни

Утро

Спят в надеждах родители, дети.
Спит повзводно родная страна.
Спит Россия на этой планете,
Спит дыханием мирного сна.
Смыли ночь дождевые волокна
И растаяли, в сказку маня.
Осветились умытые окна
Зарождением нового дня.
Ветер в лужах вдруг небо разбудит
И глядит сквозь оскал черных бритв,
Как под солнце торопятся люди,
Словно в храмы под своды молитв.
И звенит над творением Божьим
Птичий гомон, как звон хрусталя,
И любовь согревает прохожих
Русским духом планеты Земля.

Истинное слово

Слова дороже обещаний!
В словах есть злость и правота,
Червонные крупницы знаний,
Летающие из уст в уста.
Немая горечь осознания
И потрясение ума
Ещё приёмлиют отрицанье
Как недоверие – обман.
Но это – слабая надежда:
В терзаниях собственного «Я»
Себя почувствовать, как прежде,
Когда, не жалуя себя,
Своим не веришь обещаньям,
Переживая боль других,
Кому приносишь лишь страданья
В своих желаньях пустых.
Слова дают нам лишний повод
К раздумью, если не готов...
А обещанье – это Слово,
И для него не нужно слов.

Люблю тебя любой, Россия...

Люблю тебя любой, Россия!
Ты для меня – жена и мать.
Своим сынам даёшь ты силу,
Чтоб их в историю вписать
Родной земли, родной Отчизны
Единой верою в народ
Сквозь нищету и катаклизмы,
И с вечным лозунгом: «Вперёд!»
Их поступь твёрдая, как Слово,
Ведёт вперёд через века
Бессмертным шагом рядового,
Что держит строй к щеке щека,
Что держит жизнь в объятьях веры,
В тех фотографиях войны,
Что память вешают на нервы
В домах истерзанной страны.
Проходят строем поколения,
Щека к щеке, лицом к лицу,
И страшным сном до иступленья
Претят фашистскому слепцу.
Ну, кто же русского осилит,
Коль чадо Верою зовут?..
Люблю тебя любой, Россия,
Там, где родился и живу.

Междоусобица

Умирать во имя веры, умирать
В чистом поле непреклонные сошлись.
Убивать на поле брани, убивать
В час последний перед Богом поклялись.

И нашла на камень острая коса,
Кровь – рекой, а мужикам всё ни почём.
Захлебнулись в диком крике голоса,
Твёрдость веры подтвердившие мечём.

...Будет вдосталь разговоров у свечи:
«Да когда ж народ устанет воевать?»
Будут вдовы суетиться у печи
И сиротки горе-горькое хлебать.

Сколь уж минуло, а рати не видать.
Наползёт на лоб зелёная тоска,
И вздохнёт неугомонная беда:
«Ох, сердешные, ну, как без мужика?»

А над бранным полем вороны кружат,
И хвалебные баллады не поют.
А в том полясны соколы лежат –
Им на небе уготован Божий суд.

Разольётся плачем звон колоколов,
И народ повалит смертушку встречать:
Видно время окаянное пришло...
Будут в церкви горемычных отпевать.

Мечта о сыне

Я отправился спать.
Я не спал, а дремал.
Мне хотелось мечтать –
Я о сыне мечтал.
Мне хотелось обнять
Своего крепыша,
Чтоб тревожил меня
Звонкий смех малыша.
Смейся, смейся, малыш!
Я ведь тоже смеюсь.
Ты вприпрыжку бежишь –
Я тобою горжусь!
И кричу ему вслед:
«Ну, куда ты? Вернись!»
А проказник в ответ:
«Папа! Папа, проснись!»

На грани

Одна минута первого,
Одна минута сна.
Одна минута нервного
Чернеющего дна.
С неясным очертанием –
Вся суть добра и зла
С трёхразовым питанием
Чертою пролегла.
От чёрного до белого,
Ну, как от верха вниз...
Одна минута целого,
Вмещающая жизнь.

Посвящение другу

И.Г.

Пойдём, мой друг, пойдём. Трудна дорога!
Но лишь над ней горит нетленный нимб.
Наш смысл – любовь, а истина – тревога:
Разделим путь, завещанный двоим,
Очищенный от подлости и грязи,
Проторенный народною стезёй,
Которою идти пытался Разин
За жизнь людей, не ставшую другой.
Прими на веру слово, что пытаюсь
Я донести до истинных ушей,
Забив его, как забивают сваю
Лучом надежд в симфонию идей.
А что идея? – призрачная совесть,
В которую не верит даже бож.
Ведь ты – стезя, а я всего лишь повесть,
А правда – это искренняя ложь.
Речёшь: «Поэт», – а легче мне не стало.
Я – лишь смещение истины и мук.
В тебе живёт церковное начало,
Терпимое к началу моему

В детство

Как травинка, растёт человек
В рыжем пламени солнца.
Или в буднях спешит под навес
Дождевого колодца.
Пусть под зонт буду прятать лицо –
Прочь из дома наружу.
Только б рядом с любимым отцом
В память детства, как в лужу.
Смерть привыкла рубить, так с плеча,
Бить по жизни, как в грушу.
Рыжим пламенем мойся, свеча,
Омывай его душу.

Лестница жизни

На лестнице так тесно от людей.
Переминались зрители, актёры.
Соседство любопытства и идей,
И чьи-то нескончаемые споры.
Минуты тикают волнением в голосах,
Врываясь в звук гитарного аккорда,
Надрывом отгоняя детский страх
В преддверье предстоящего полёта.
В нём фальши нет, здесь жизнь играет роль,
Влекомая безудержным желанием.
И зрительский настрой ошпарит боль
Не криком чайки, но её дыханием.
Не дремлет театральная вода
И ждёт, когда слова подымут якорь,
Не торопясь займут свои места
Те, кто пришёл на выпускной спектакль.
И режиссёра твердая рука
На хмурых лицах сделает наброски...
Выпускники последнего звонка
Взойдут на театральные подмости.

Сосед

Неужто вспомнил годы молодые?
О чём в сердцах задумался, сосед,
Перебирая будни отрывные
Московской жизни коммунальных лет?
А я – в театр, в мир глупости и смысла.
Рабочему не каждый день везёт.
До первой книги забываю числа,
Перед закатом чувствуя восход.
А в нём я бодр, я – суть, я – призма жизни,
Безропотный безумец суеты.
Но мне не воспрещается харизма
В застенках коммунальной бедноты.
Я – смех безукоризненной Голгофы,
А ты – мой друг соседства моего.
Я – детства раб, и искренние строфы
Летят в твою любовь из ничего.

Напоминание

Как часто теряем, как редко находим,
А то, что нашли, привыкаем терять.
Но память напомнит из сотен мелодий
Мелодию сна, что дарила нам мать.
Подарок из детства, согретый любовью,
Забытый с годами Божественный знак.
И тонет фантазия как предисловье
Ночного раскаянья в омуте сна.
Уходят желанья людские, как в замять,
И в ней просыпается вечный укор.
Из сотен мелодий, ворвавшихся в память,
Мы ищем потом, что теряем легко.
Торопимся жить, разрывая на части
Мелодию детства. Концов не найти.
Но нежность руки материнского счастья
Прижата ладонями к детской груди.

Кара

Нищета гуляет по России,
Списывая чью-то жизнь в утиль.
И в такой кровавой терапии,
Процветает вековая гниль
Вечного безбожия и страха,
В поисках наживы и вранья.
За столом солёный этот сахар
Растворяют водка и коньяк.
Только неизбежны испытанья:
Пред Господней карой все равны.
И тогда, в бессилье оправданья,
Словно в Ад, ныряют в свои сны.
Думаю, страшней нет наказания,
Когда в страхе мечется душа.
Кровью растворяется дыхание,
Словно и не жил, и не дышал.
Также нищ, а кажешься богатым,
На безбожной ниточке повис.
А во сне нет бедных и горбатых –
Только путь к потерянной любви.

Прыжок длиною в строчку

Молитвой отрываясь в неизвестность,
Мы чуда ждём, сомненьям вопреки,
Но ложь кондовую сменить на честность —
Как штопать свои рваные портки.
Для мужика заведомая пытка,
А если еще страхом облечён,
Не претендует даже на попытку,
Пока наживой в кражу обречён.
Мир так устроен: кто-то рвётся к власти,
По головам взбираясь на бугор,
И велико в умах его участие,
Коль грезит властью «пламенный мотор».
В сердцах срывает голос истерия,
И лбы кормильцев пробивает пот.
Но в хаосе жива моя Россия,
Пока в сердцах поэзия живёт.
А ты, который никого не слышит,
Ну, хоть чуть-чуть душевность напряги!
Ведь и в тебе Божественное дышит,
Молитвой отрываясь от строки.

Застрявшая любовь

- 1-

Ну, что ж, жена, давай-ка с горя
Мы выпьем по одной.
С тобой не ведали покоя
В безбожие длиной.
Полвека – это не так мало.
Душа как решето,
Но в ней к тебе любовь застряла
Берёзовым листом,
Одной травинкой в чистом поле,
Подснежником в снегу...
Так выпьем же за бабью долю,
Так близкой мужику.

- 2 -

На человека давит ноша –
Земной славянский миг.
А правда в том, что в сердце роща,
Берёзами шумит.
Та правда, что, впитавшись в кожу,
Молитвою знобит.
Мы прикрываем совесть ложью,
Да вот душа болит.
С утра с больною головою
Мы боремся со сном,
Идя верблюжьей тропой
Между добром и злом.

Ты так сказал

Моя поэзия умней меня,
И в той поэзии я странник.
Я необъятное душой обнял,
Прижал к груди, как мой наставник
Святую Русь. Залился соловьём, –
И трелью трепетала память.
А жизнь текла в страдания ручьём,
И бушевало в сердце пламя.
Теперь горю свечою среди книг,
Любовь жива молитвой друга.
Я в той любви воистину раним,
Но слабость – совести порука.
Ты жизнь хлебнул дорогою седой,
И твоя вера – пламя в смерти.
Но те года, что пройдены тобой,
Не растворятся в круговерти.
Мои грехи лишь порожденье дня,
А боль мою разделим вместе.
И пусть поэзия умней меня,
Да удостоюсь этой чести!

Ноша

Растеклась по жилам бедность,
Нет в стакане дна.
Зашептала в уши трезвость:
«Тяжела вина.
Ох, не сдюжишь с этой ношей.
Хоть умерь свой пыл,
Чтоб потом не стало горше».
А мужик вспылil:
«Я ещё не пропил совесть,
И душа горит.
Человеческая подлость
Жжёт стыдом внутри.
Слёзы душат комом горло,
Как асфальт каток.
Бьёт по чувствам нервный холод.
Господи, за что?»
Хватанул в сердцах «палёнки»,
Болью захрипел.
А в ответ сквозь плач ребенок
Прошептал: «Не пей».

Плаха

В каждом доме соль да сахар,
Словно плюс и минус.
Что за жизнь: любовь без страха?
Лишь – наполовину.
Сладость в памяти солёной
В сон вмешалась свахой.
Дышит пропастью бездонной,
Как в смутьяна – плаха.
Захлестнула Божья сила,
Грех – святая подлость.
Вроде истину сулила,
А в итоге – гордость.
Прорычит судьба в истоме,
Как безбожный пахарь:
«Холодильник пуст, а в доме
Только соль да сахар».

День как день

День как день — раздавлен взрывом
Не докопанный окоп.
Смерть сбивает с ног порывом,
Помолясь за упокой.
Тот убит, а этот ранен,
Кто-то жизнь обматерил.
Кто, подняв шторм в стакане,
Словно грязь, своё отжил.
День как день. Хлебнули малость.
Вот, лежим теперь без сил.
Ты да я, да та усталость,
Что ногами намесил.
Отмахал, да как без мата,
Что оскомину набил?
Где в аду та Божья правда,
Что внушает: «Не убий!»

Спасибо

Спасибо Господу за то, что я живу.
Что при крещении в святыню окунулся,
Что Божий храм наполнил детский звук,
И, в мир ворвавшись, снова в храм вернулся.
За всё спасибо... Я взрослою терпеливо,
В своём терпении терпимость познаю.
Учусь любви и каждый раз не суетливо,
Как хлеб, внимание я людям отдаю.
Я их стараюсь уважать до самой боли,
Хотя мне это удается не всегда.
Моё второе «я» ругается и колет
Виной в глаза, в которых есть и «нет», и «да».
Но я учусь, пока библейская учёба
Дает мне шанс держать страстей моих удар.
Поэт в России уважается особо,
Когда поэзия сочится от стыда.

Причастие души

Бог есть в безбожии, ведь это только повод
Уйти от истины. А истина в вине.
Испей его – всяк, испытавший грешный холод
Хоть на пути в чужбину, хоть в своей стране.
Не веришь ты, но вот любовь твоя и дружба,
Глядишь, прощение испросит для тебя.
Ведь человечность искуплению не чужда,
Пока твой ум безбожным пламенем объят.
Пусть унизила война твое геройство,
Тебе в затылок чьей-то памятью дыша –
Испей вина: оно согреет беспокойство,
И к алтарю, глядишь, запросится душа.

Изгой

Летят сорвавшиеся капли
Как листья, сорванные в низ.
Я об асфальт цепляю камни,
Дразня мыском сырой каприз.
И нет душевного покоя,
И нет сердечной доброты.
Есть оправдания у изгоя
Литературной правоты.
Но что ты сделал для народа
Своей словесной болтовнёй?
Есенин вечен год от года,
А ты для вечности – изгой.

Просьба

Я грешен, но я искренен в желанье:
У Господа прошу хоть пару строк,
Как просит дождь крестьянин в оправданье
Своих трудов, оставив боль в залог.
И дождь из слов обрушился в избытке,
Как на поля живительный поток.
Сомнение растаяло в улыбке,
Что дарит людям вездесущий Бог.

Ответь

-1-

Россию обуял кошмар
Своей словесностью гнетущей.
Господь послал мне Божий дар,
Так в чем же искра, Вездесущий?

-2-

Мой Бог! С Тобой я жертвую словами.
Мой грех! Я – искушение в вине.
Я со Вселенной говорю стихами,
Ведь истина Господня есть во мне.

-3-

Я истину знал и не знал,
Но честь заслужил причаститься.
А правда для сердца одна:
От истины грех отступиться.
Дорога забила в груди,
Но что я о ней понимаю?
Господь! Ты идёшь впереди,
А я за Тобою – по краю.

Шаг за шагом

Свой грех примирить нелегко,
И нервы, случается, плачут.
Ты чувства свои успокой –
Они для других что-то значат.
Не веришь уже никому,
Холодному ветру подобен.
Нужна ль эта боль одному,
Коль чувства дарить не способен?
В сознание сгущаешь свой мрак,
Но тянешь терпения невод.
Однажды случается так:
Ты взор обращаешь на небо,
В котором, сквозь толщу веков,
Течёт, выбивая коленце,
Честная славянская кровь,
И бьётся российское сердце.

Грех

Ты виноват, и по сему
Проклятьем бил в замки дверные.
Не докричаться одному,
Чтобы услышали другие.
Ты правдой жил как человек,
Рвал кожу, веря в беспорядность
Забывших проклятых калек,
И опускался в безысходность.
Искал доверия к другим,
К тем самым проклятым отбросам,
И издевался над благим,
Как осень лиственным заносом.
Купался в золотых мазках,
Чтоб грязь пред взором расступилась...
Морской молитвой ветерка
Греха коснулась Божья милость.

Три слога

О чём терзался вечный ум,
Согрев в словах любовь мирскую?
От тех не высказанных дум,
Впитавших истину чужую?
Ты знал, плевался и решил:
Быть в суете для оправданья –
От причащения души
Согреться каплей ожидания.
Ты бескорыстие вдыхал,
Впитав в себя людскую чуткость,
Чтоб в понимании греха
Найти Божественную мудрость.

Молчание

Ты причастился или нет?..
Но в чём твоё предназначенье?..
Люби людей – лови момент,
Который ищет утешенья.
А утешенье – та тропа,
Где твоя истина кочует.
Что для других – «в овраг упал»,
То для тебя – «душа врачует».
И нет изгнания для мечты:
Она, как истинная зыбкость,
Ещё достигнет правоты,
Впитав в сознание чью-то липкость.
И так захочется кричать,
Но ты растаешь в наслажденье
Хотя б теленком промычать
Под Божьей дланью вдохновенья.

Не торопись

Друзей хватает в этой жизни.
Порой ошибка: верить им.
Сегодня оказался лишним,
А завтра жалким и больным.
Ты окунулся в безразличие,
Ты заглянул в глаза людей.
И вроде искренность в наличии,
И пробирает до костей.
Не торопись в своем желанье
В порыве гнева ставить крест.
Прости! – и Божие дыханье
Не огорчит коварный бес.
И сделай шаг к своей молитве,
Ещё не ведая пути.
Пройди по вере, как по бритве,
Что бы прощенье обрести.

Люди

Есть умные, есть глупые,
Есть добрые и злые.
Сегодня к нуждам грубые,
А завтра – золотые.
Такое в них намешено,
Что даже в пот кидает.
Моя Россия грешная
Лелеет мысль о рае.
Цветёт в нужде и совести,
Мешает ложь и правду.
Перетираем новости,
Чуть дышим на зарплату.
Остановись мгновение!
Ведь люди – только люди.
Бог дал душе терпение,
Как звук – дыханью лютни.
Любовь рождает истину,
Пусть даже дышит пьянством...
Людские страсти искренни
И к воровству, и к яствам.
Молись, душа заблудшая,
Светлей в чертогах страха.
Россия – все же лучшее
Спасение от праха.

Две свечи

Я прощаюсь с тобой, быстротечная осень!
И горит желтизною остаток тепла,
Как горит первый луч в лёгкой дрёме колосьев
В двух минутах ходьбы от родного села.
Как легко на душе, как светло и покойно,
Только жаль, нет отца, рядом матери нет.
Я колени склоню перед Богом покорно,
И зажгу две свечи по прошествии лет.
Я, наверно, привык, что вас больше не стало,
Но порою тоскую любовью земной.
Я по жизни иду, но мне этого мало –
Снова осень вдыхаю слезою скупой.
Я иду в увядание бабьего лета,
Она вашей любовью меня напоит.
Пусть мой путь – это путь городского поэта:
Я вас помню всегда, дорогие мои.
И к берёзам, что вы завещали в наследство,
Я душой прикоснусь, если духом ослаб...
Память первой любви босоногого детства
Снова восточку шлёт из родного села.

От сохи

-1-

Скажи, мой друг, чем искупить свои грехи?
Скажи, мой враг, в чём уязвимость непокорных?
Я жив людьми, хоть не воспитан от сохи,
Зато мой пыл – российский ропот обзлѣнных.
А кто я в обществе? Лишь искренний глупец,
Такой, как есть, но во Христе моя палитра.
Я – капля в обезличенной толпе,
Огонь души мне компенсируют пол-литра.
И я расслаблюсь, пусть на час, или на два,
Чтоб погрузить всю злость вины в свои ошибки.
Мой друг и враг, я различаю вас едва,
Когда по пьяне набиваю только шишки.
Но доброта моя – глупейшая черта,
Боюсь обидеть чьи-то чувства между делом.
Я нахожу свой путь в смирении Христа,
Хотя для гнева моего сей путь неведом.

Преклонение

-2-

Я Бога не боюсь, но уважаю.
И чту людей. Греха не сторонюсь.
Я нищету по-русски словом жалю,
И веру Православную ценю.

Дыхание земли

-3-

Осень свежесть хранит, осень дарит сердца,
Обрывая с души листопадные хлопья;
Желтизной укрывая творенье Творца,
Ожидая с небес первый ласковый хлопок.
Отчего же глаза так некстати горчат?
Отчего так в России природа не броска?
Отчего старики беспокойно ворчат?
От того ли, что всё в этом мире не просто?

Большое сердце

Был оперирован мой друг,
И, слава Богу, всё в порядке!
Он жаждал от врачебных рук,
Чтоб устранили неполадки
Большого сердца... Друг, прости,
Что в ту минуту не был рядом,
Что и потом не навестил
В своем неведение треклятом.
Я за здоровье помолюсь,
Прося у Господа прощенье,
И в радость дружбы окунусь,
Как не достойный утешенья.
При встрече глаз не отведу,
Сколь ты смущеньем не препятствуй.
В улыбке слов я не найду,
Но с облегченьем молвлю: «Здравствуй».

Два крыла

Два друга, два сердца, два взгляда.
Две веры в меня, два крыла.
Летит к небесам серенада
Молитвой шального тепла.
Безмолвна моя благодарность
И прячется искрой в глазах.
Мой сон погружает в усталость,
Как в душу греха образа.
И ветра четыре не могут
Сомкнуться в четыре угла...
Меня собирая в дорогу,
Расправит рассвет два крыла.

-1-

Во имя любви

Я почувствовал свет и к нему потянулся –
От земли к небесам, став прозрачным мостом.
Мой хрусталь зазвенел, тетивой натянулся,
Словно скрипки струна, наливаясь свинцом.
А до звезд только шаг! В шаге – Божья истома.
А в истоме свечи – одиночества мрак,
И семейное счастье российского дома,
И солёная горечь военных атак.
Я лишь память: во мне собираются тучи.
Я лишь ветер, струящийся в судьбах людских.
Оттого мой язык, так хрустально колючий,
В черной пасти дыры прославляет Твой лик.
Обращаясь к свече запоздалой истомой,
Обращаясь к любви трёхгрошовым перстом.
Я лишь звездная пыль между небом и домом,
Протянувшимся к свету вселенским мостом.

-2-

Бесконечность

Я не первый, заметь, но еще не последний.
Посмотри: ведь я здесь, я сейчас, я всегда.
И сползает слеза по деревьям столетним,

И во мне просветленье врачует беда.
Я вгляделся в листву, в её палую осень,
Что шумит под ногой тополиного сна.
Я смотрю на часы – на часах только восемь:
Восемь черных минут я глядел из окна
В желтизну твоих грёз, в желтизну твоих
мыслей.
Восемь раз я дышал беспокойством тепла.
Я был первым, кто был в эту осень зачислен
Рядовым тополей от амнистии зла.
Я не первый смутян, далеко не последний,
Но горит как свеча мой вселенский огонь.
Так даруй же мне боль тополей многолетних,
Восемь раз обратив в перекатную голь.

-3-

Расставание

Я пишу, чтоб дышать, умываясь той болью,
Что послала с небес мне Господняя длань.
Я черпаю свой страх, словно воду ладонью,
Возвращая Тебе одиночества дань.
Вера ищет людей, не теряя надежды,
Что от солнца прольётся лучистый родник,
И растает пятном в жёлтой осени, между
Мной и тех журавлей, что сорвались на крик.

Рассвет

Я думаю, что так.
Но так ли это?
Мне кажется, я прав,
Но есть ли смысл
Блуждать во мраке
Чёрствости и света,
Когда твой страх
Поэзией размыт?
А люди ждут той
Правды троекратной,
Что рвётся в жизнь
Оправданной тоской.
А крест, как боль,
Молитвой безвозвратной
Прольёт свечу любви
За упокой.
Помянет вздох любимых
После водки.
И встрепенётся память
Алкаша.
В словесной злобе
Опьяневшей глотки
Вдруг расцветёт
Молитвою душа.

-1-

Колыбель

Загляну в глаза небесные,
Загляну в глаза страдания –
В те тропинки неизвестные
В колыбельном созерцании.
Разойдусь в свершение гадостей,
Зарифмую беззаконие.
Всполоснусь истомой радости,
Претендуя на зловоние.
Всё отдам во имя старости,
Обретая снисхождение
К тем, кто ищет правду в гласности,
Окунувшись в нетерпение.
А как хочется покаяться!
Грешен, даже в сожалении...
Так прости, чтоб мне расплакаться
В колыбельном вдохновении.

-2-

Милостыня

Искушение не малое –
Окунуться в подаяние.
Бьётся просьбой сердце алое,
Протянув ладонь-страдание.

А в глазах мольба вселенская:
«Люди добрые, пожалуйста!...»
Нищета – порука веская:
Коль пристала, так не жалуйся.
Да поймут ли люди добрые
Беззащитность одиночества,
Что ползёт голодной коброю
К ним без имени и отчества?
Пробежите мимо старости,
Иль с монетой остановитесь,
Искупая грех в той малости,
Той, к которой так готовитесь?
Подойти, стесняясь, к грешности,
Разрываясь торопливостью,
К тем, кто просит в неизбежности,
Согреваясь Божьей милостью.
Не грешно, что стыд разделите,
Окунувшись в их желание...
Если вы хоть малость верите,
Проявите сострадание!

Свет

Нет, я искренен в том,
Что касается света.
Жизнь поэта винтом
Беспокойства согрета.
В утешении лжи
Укрываешься горем.
И глядишь – удружил
Матке-правде в исподнем.
И рванул чью-то злость
Незатейливым словом,
Чтоб внутри улеглось
Между пьянством и домом.
Дури нужен размах –
Путь поэта неведом...
Весь стою в синяках,
Перед истинным Светом.

Выбор

Без жалости не обойтись.
Кому нужна такая жалость,
В которой правда так старалась
По нервам искренне пройтись?
А как же правду полюбить?
Она ведь к людям беспощадна.
Бьёт откровением нещадно,
Чтоб чью-то совесть взбередить.
Её не скажешь просто так:
Она рождается в сомненьях.
И безутешны утешенья,
Но и без них, увы, никак.
А совесть мучает, ворчит,
Роняя сказанное в душу.
И вот уже мученья душат,
И дружба подлостью перчит.
Возможно, в жалости к другим
Готовим почту для возврата.
И сердце мучает расплата,
Пусть даже был порыв благим.
Себя в глазах не обелить –
Людское зло порой как вата.
Пускай огнем пылает Правда, –
Нам выбирать и нам с ней жить.

Листопад душ

Души сыпятся в сон, будто листья на землю,
И лежат под дождем человеческих слёз,
Отдавая тепло городским невезеньям,
Чтоб удобрить мечту, словно ниву – навоз.
Тяжело быть собой, а другим – и подавно.
Но заманчиво быть, даже если в ущерб.
С чем пришел в эту жизнь, что лишился
недавно,
Стал ли зрячим творцом иль воистину слеп?
Взвесь же всё на весах, раз доверившись правде,
Не скрывай ничего, даже ту черноту,
Где забыта любовь безымянности ради,
Что уселась на ней, как усталость на стул.
Обрети свою боль, словно вера дыхание,
И сорви жёлтый лист – пусть летит в черноту,
Светлой грустью уляжется в воспоминанье
И улыбкой растает в душевном пруду.

Искушение

А что, друзья мои, не встретиться ли нам,
И загрузить мозги ядреной рюмкой водки?
Пускай карман пустой скучает по деньгам,
Но в складчину всегда нагрузимся в охотку.
Да много ль надо нам закуски, чтоб на зуб?
Колбаски да сырку, да хлебушка в придачу,
Да под кряхтенье «эх!» с причмокиваньем губ,
Чтоб словом рваться в бой, как на коне лихача.
Пускай моей мечте сегодня нелегко,
Она явилась в жизнь змеиным утешеньем.
Дай Бог здоровья нам, и с водкою пивко,
Связавшим наш союз Гордеевым смешеньем.

Посвящение

Сегодня ты в рассвете лет,
Во цвете Божьего рожденья,
Мой уважаемый сосед,
Мое лихое поколение.
Что пожелать тебе, скажи?
Какое выдвинуть условие?
Будь тем, кем есть, и весь дрожи
От богатырского здоровья.
И ту бородку отпусти,
Что шармом важности согрета.
Она у гордости в чести,
Тебе к лицу солидность эта.
В болезнях нам не до прикрас,
Готовься к данности, как к битве.
И за здоровье каждый раз
Проси прощения в молитве.
И пусть огонь в твоих очах
Других улыбкой обнадёжит.
Ведь, если вера горяча,
Бог обязательно поможет.

Ярость

От войны не сбежишь.
Убивай! Всё едино.
Что ж ты, совесть, молчишь,
В напряжении львином?
Что неймётся тебе,
Человеческий разум?
Это шепчет злой бес:
«Всех под корень, и сразу!»
Ну, чего же ты ждёшь,
Развалившись вальяжно?
Правдой целишься в ложь, —
Остальное не важно?
Свою ярость в грехах
Раскидаешь по храмам,
А поэты в стихах
Разольют по сто граммам?
Чтобы совесть согреть,
Обрети в себе рвенье:
В небо с болью смотреть
И молить о прощенье.

Всё может быть

Обидеть друга – это бред.
А вот обидеться он может.
За издевательский совет
Так бы и дал по наглой роже.
Да сам-то, умник, с пьяных глаз
Порою вывернешь такое,
Что для него уже маразм,
А для тебя – во лжи святое.
Но ложью хочешь щеголять
Да подбодриться сквернословьем.
И на кого тогда пенять,
Коль одурманен ты запоем?
И раздражением свербит
Твоё убожество лихое.
В обмане мучаешь свой стыд,
Лишаясь Божьего покоя.
Сказал, и так тому и быть,
Его укор берёшь на глотку.
Ты друга хочешь устыдить,
А устыдит безумца водка,
Когда забудешь, что творил.
С той удивляющейся ноткой,
Пред другом, будучи без сил,
Ты повинись той же водкой.

Наполнишь злобою стакан, —
Для ссоры надобно не много:
Взорваться из-за пустяка...
Так хоть покайся перед Богом.

Сущность

К сердцу память прижимая,
Боль с годами всё растёт
И, в слезах судьбу стирая,
Во хмелю на всех орёт.
Только горлом не построить
Этих всех – кишка тонка.
Распылять язык не стоит,
Чтобы строить дурака.
В раз раскусят твою сущность,
На запчасти разберут.
А развязанною ушлость
В клочья, походя, порвут.
И останешься ты голым
Со своею правотой.
Что греху твои уколы,
Коли грех всегда с тобой?
Облегчи признаньем душу,
Что ж терзаться одному?
Не грузи изнанку чушью,
И друзья тебя поймут.
Чтоб сидеть не в холостую,
В рот зальют твою вину.
И пойдут на мировую,
Стыд для ясности замнут.

Ты надень его, как робу,
Чтоб душою не кривить.
Бог простит! А ты попробуй
Хоть бы раз людей простить.

Борода

Год сгорает, как полено,
Но не греет вовсе он,
А на вкус — не слаще хрена,
Как в желудке самогон.
От него пьянеет тело,
Память тянет за язык...
Гость пришел к друзьям по делу,
Не гляди, что он старик.
Перебранку не поддержит,
Выпить выпьет, это — да.
Скажет слово, как отрежет,
Ну, на то и борода.
И, по жизни молчаливый,
Словно пашкой наголо,
Остужая говорливых,
Хватанёт рукой о стол.
Вскрикнет гневно: «Паразиты!», —
Взяв Россию в оборот.
И, глядишь, тот год забытый
Маслом по сердцу пройдет.

Подумай

Ты сегодня простил
Тех, кто боль твою гложет.
Без надежды с годами
Стареет твой дух.
Ты молился в сердцах,
Ожидая: поможет.
Но остался к измене
Безропотно сух.
А улыбка – та соль,
Что просыпана на пол:
Все надежды так искренне
Сводит на ноль.
Ты обиду свою
Беззастенчиво лапал,
Натирая терпенье любви,
Как мозоль.
Но простят ли тебя?
Во грехе всё едино.
Ведь и ты от природы –
Источник обид.
Смотришь в чьи-то глаза
После драки невинно,
А виновность твоя
Перед Богом саднит.
Взгляд порою колюч
И охоч на ошибки,

Но душа в нём пылает,
Дробя миражи,
Ведь глаза – это свет,
Яркой вспышкой улыбки
Над бескрайней Россией
Рождающий жизнь.

Помощь

Услышит Бог твои молитвы,
Коли страдания душу рвут
И давят, бедную, как плиты,
Будь то во сне иль наяву.
И пусть душа твоя проснётся,
Не сделав паузы в грехах.
И возглас с губ твоих сорвётся,
Зажатый в комнатных углах.
Свой страх ты выдохнешь свободно –
Благодари за то людей.
Так было Господу угодно:
Благодари и не робей!

Измена

Чувство есть, да денег нету –
И другого нет взамен.
Жизнь считаешь, как монеты,
По числу людских измен.
Веришь им обыкновенно –
Так с рождения привык.
И балдеешь откровенно,
Как от ереси кадык.
Весь, как рак, в тигриной злости –
Разорвал бы на куски.
И в кулак сжимаешь кости,
Словно пасмурность виски.
Эх, вдавить бы эрудиту
В переносицу очки,
А потом слепую гниду
Разорвать бы на клочки.
Но вступилось наказание:
Ведь воротится с лихвой
Это самое желанье!
Так подумай головой.

Сыну

Повалит снег, придёт зима,
За ней придёт усталость.
И мне приходится признать,
Что год – совсем не малость.
Уже сегодняшняя боль
Покрыла день вчерашний.
Она расстанется с тобой.
Лишь завтра, а не раньше.
Ворвётся в дом, от плоти плоть,
Назавтра став тобою.
Ворвётся с ворохом хлопот
И с искренней любовью.
Тогда войдёт смирение в паз
Бессрочного исхода.
Часы пробьют двенадцать раз
За каждый месяц года.
И за рождение малыша
Со мной разделит новость
Двенадцать раз на брудершафт
Год, уходящий в Новый.

Воспоминания

Я что-то часто переживаю,
Чего-то вспомнил... забыл. Не знаю.
Воспоминанья в душе скребутся,
Похоже, слёзы в глаза уткнутся.
Их столько будет... Об этом после.
Кого хоронят? Отца. Я – возле.
Пальто не греет. Стою. Не верю.
Отца не стало. Рыдать не смею.
Гроб возле дома. Здесь многолюдно.
Я лиц не помню, вернее – смутно.
А рядом мама переживает.
Я к ней прижался. Губу кусает.
И, слава Богу, что хоть не плачет.
Пусть так и будет. Боюсь иначе.
Все ждут. Автобус остановился,
Ну, на конец-то, он появился.
Гроб подхватили мужские плечи,
Несут. Я следом – слезам навстречу.
Потом не помню. Ах, да! Волнуюсь.
С отцом прощаюсь и в лоб целую.
Потом и мама целует тоже,
А после плачет. И я, похоже.
От слёз не прячусь. Текут ручьями.
Туман и садик перед глазами.
Детей забрали – я в нём последний.
Гроза. Мне страшно. Пугают тени.

Пришла соседка по коммуналке,
Я ей: «Где папа? С ним все в порядке?»
Она тревожно так улыбнулась:
«Отец твой умер», – и отвернулась.
Я ей не верю. Наверно, шутка.
Мне было страшно, а стало жутко.
Непроизвольно дрожат колени,
Иду куда-то в оцепененье.
Соседка рядом – та же улыбка,
А может, всё же, это ошибка?
Гроб опускают на дно могилы.
Боюсь, что маму оставят силы.
Земля с ладони летит на крышку.
Зачем взрослою, еще мальчишка?
Ко мне и маме подходит пара,
Мужчина тихо: «Мужайся, парень».
В ответ киваю. Всё безразлично.
Отца хоронят, а я – о личном.
Вдруг замечаю, что стал спокоен.
Сердечко бьется – оно живое.
Смотрю на маму: «Не плач, не надо.
Меня ты завтра возьмёшь из сада.
Сюда мы к папе приедем снова».
Она не слышит: в ответ ни слова.
Народ в автобус спешит садиться,
Нам не мешают с отцом проститься.
Ну, что ж ты, память, как свет, погасла?
Я должен вспомнить. Но всё напрасно.

Как было раньше, теперь не будет.
Отца в могиле мать не разбудит.
Не вышла замуж. Я сожалею.
Ах, мама, мама... Уже седею.

Молчание икон

А вместе с листьями тепло уходит в землю,
С душевным трепетом тоски они, как
бабочки, летят.

И лёгкий ветерок пугливою газелью
С осенней грацией чуть задевает золотой наряд.
Но осень без людей – как тишина без птицы,
И как российская любовь без осознания греха;
Как отголосок боли вырванной страницы
Под самый корень нищеты в огне
осеннегостиха.

Для веры в нищете есть праздники и будни,
И долгий путь в глубины Библии по комнатным
углам.

Любовь молитвой обновит усталый путник,
И в муках истины он голод утолит, чем Бог
послал.

Ровесник

Он у обочины лежал.
Был в стельку пьян, горланил песни.
Его сжигал душевный жар.
Был невменяем мой ровесник.
Я, не пройдя и двух шагов,
Вернулся, совестью задетый.
Встряхнул безжалостно его,
Как женщины трясут пакеты:
«Ты что творишь, ядрёна вошь,
Почто калечишь жизнь, скотина?
Какого хрена водку пьёшь,
Неугомонная детина?
И ни кола, и ни двора —
В глазах стареет боль щенячья.
Остановится ль не пора?
Не надоела жизнь собачья?
Ведь пропиваешь то, что есть.
Тогда зачем живешь на свете?
Пусть нищета Господня — честь,
Но твой ночлег — луна да ветер».

Он трезво в душу мне взглянул —
Лицо мгновеньем просветлело:
«Я сознаю свою вину,
Хоть пропиваю свое тело.
Среди дыхания берёз

Я молодею своей верой.
Глотаю боль свою до слёз,
И хмурый день уже не серый.
Но жизнь пропавшую верну!
Прошу, мужик, меня не трогай!
Я горе горькое хлебнул...
Пора пришла поверить в Бога!»

Может быть

Мы повторяем каждый раз одно и то же.
Всю жизнь мы учимся, пытаюсь научить.
Смягчим свой властный тон, и тут же станем
строже,
А если сказано, то так тому и быть.
И из-под палки будет толк, но ненадолго.
У страха тоже есть терпения предел.
И грянет гром, как завершение итога
Того, Кто все твои чудачества терпел.
И где тогда найдешь усталости замену?
А криком свою боль, увы, не залечить.
Крепись, к тебе придет раскаянье на смену.
И вот тогда поймёшь хоть что-то... может быть.

Дружба на АЗС

Перегружены колонки.
Нет просвета от машин.
На шоссе сегодня пробки
Да скопление матерщин.
А работа есть работа –
Непрерывно льем бензин,
В тот момент седьмого пота,
Что усталостью скользит.
Наскрести на холодильник
Мне получится не вдруг.
Затрещал чумной мобильник,
Мелочь валится из рук.
Ну, а руки – что то дышло,
Сколь клиента не проси
Чаевых, но боком вышла
Та покупка для семьи.
Разливаются копейки,
Словно грех, в тар-тарары,
Как та песня канарейки,
Что приятна до поры.
Но ребятам в благодарность
Просто дружбою дышу.
Для меня общение в радость,
А о большем не прошу.

Два слова об управляющем

Ты – уважение и вес,
А по-простому – человечность.
Ты – настроенье и процесс,
И огорчение за внешность.
И как людей ты не люби,
Тебе присуща откровенность,
А в Москворечье на Би-Пи
Любовью жалуют за честность.
Ты этой честности росток
От взглядов хмурых не скрываешь.
Хотя с людьми бываешь строг,
Но добротою подкупаешь.

Наш язык

Мы вечно чем-то недовольны,
Надеждами любви увлечены.
В своем гостеприимстве хлебосольны,
А за глаза всегда возмущены.
Та искренность, в которой нет надежды,
Уже в обмане чёрствостью плюёт.
Зато предпочитаем блеск одежды,
А дружбу обесцениваем влёт.
Скандал без унижения немыслим,
Когда в пылу срываемся на крик.
О Господи, прости нам наши мысли.
О Господи, верни нам Твой язык!

Зависимость

Густеют мысли, как туманы.
Их тайный умысел в одном:
Замедлить бег в тех самых «но»,
Где изменения нежданны.
Они ввергают нас в унынье,
Или надеждами полны.
Они порой нам дарят сны,
В которых мы вдвойне наивней.
Есть Божья правда у традиций,
Будь ты поэт или солдат:
Сгорел, летишь, как водопад,
Иль торжествуешь в небе птицей.

Среди друзей

Посвящается: Игорю, Петру, Олегу

Строка вздохнёт божественной струной,
Растает в поэтическом угаре,
И в бой рванётся лиры рядовой
А проще говоря: славянский парень.
Он к памяти найдёт свою строку:
Среди друзей есть в слове Божья правда.
Вкусит и водки на своём веку,
Ведь скинуть муки творчества – отрада.
И будет боль из сердца рвать стихи,
А люди успокоят его душу:
Ведь человеку свойственны грехи,
Как и любовь, что выплеснет наружу.
Поэт – песчинка без своих друзей,
Он словно ветер, потерявший разум,
И платит болью матери своей,
Все наставленья пресекая разом.
А на могиле пожинает смерть,
Раздавленный своим сыновьим горем.
Он зачастую рвётся умереть,
Грехами разбавляя свою горечь.
И слёзы будут падать, как слова,
И в храме будут зажигаться свечи...
Пред Господом склонится голова

Того, кто жаждет жизнь любить всё крепче.
Пусть душа натянута, как нить,
Зато любви к России не теряет.
Друзей своих он учится ценить:
Их у поэта много не бывает.
А мать, она одна на целый свет —
Друзьями восполняется потеря.
Пусть для поэта оправдания нет,
Но есть любовь от материнской веры.

Живые сердца

Когда война стучится в дверь,
В домашний быт славянской веры,
И детский крик глотает смерть,
Творят бесчинства изуверы...
Иван ребенка схоронил —
В постели взрывом разметало.
«Теперь остались мы одни», —
Сказал он дочери устало,
Обнял могилку, зарыдал.
А дочь сказала: «Ну, не надо.
В наш дом пришла с войной беда,
И смерть гуляет где-то рядом.
Нам тяжело терять родных,
Нам тяжело терять любимых,
Но любит Бог детей своих
И в рай отправит всех невинных.
А жить-то надо, надо жить.
Донецк бомбят, но мы славяне!
Мы можем верой дорожить,
И на колени мы не встанем.
Не встанем даже через страх,
Пускай неймётся изуверам.
Они всего лишь мошкαρα,
Что кровь глотает между делом.

Война терзает жизнь века,
И дышит в мир зловонной серой.
Но будет мир стоять, пока
В живых сердцах пылает вера».

Странный диалог

«Ты не теряй желание любить!..»

- Поверь мне на слово: не растеряю,
Ведь я люблю. «Умерь мужскую прыть.

Я, женщина, могу ходить по краю.

Прости меня: в крови у мужика

Влечение к женщинам – тот искунитель!

Он жаждет подвигов, пока

У красоты в плену такой любитель».

- А я люблю, я только лишь мужик,

Но дышит та любовь к тебе на ладан.

«Ну, что же, пусть к семье ты не привык,

Хотя б цени того, кто в горе рядом».

Жив блокадный Ленинград

Забывать блокадный Ленинград
И в мирный день солдат не сможет,
Ведь в этом мире он солдат,
А мир в душе всего дороже.
Дороже чёртовой войны,
Что ленинградский дух пытала,
Вгрызаясь в грудь и со спины:
Да только зубы обломала.
Её дыхание солдат,
Российской верой облачённый,
Сквозь страх отправил прямо в ад,
В её же мир кроваво-чёрный.
Голодной смерти есть предел:
В российских жилах кровь клокочет,
Бурлит среди замёрзших тел,
Как правда слова между строчек.
Бурлит, как жизнь, через века,
Мир согревая Божьим словом,
Чтоб детства нежная рука
Не знала войн в столетье новом...
Свои армейские сто грамм
Рванёт солдат в пылу волнений,
Чтоб жил блокадный Ленинград
В сердцах российских поколений.

Покрова Богородицы

А время? что ж, оно идёт...
Грехами мучает усталость.
И нервно вытирает пот
Со лба и молодость, и старость.
Упрёки падают в сердца:
- Да ты...
- А ты...
«Заткнитесь оба!»
И ужас длится без конца,
От раздраженья до озноба.
Но у любви есть свой закон:
Он примиряет даже ссоры, —
Вкусить молитвенный покой,
Ворвавшись в русские просторы
Под покровительство берёз,
Под покова церковной службы,
Да так, чтоб жизнь пробил мороз
От одиночества до дружбы.
И грешный молится народ.
А чтоб любовь в сердцах бурлила,
Её страданья кинут в пот —
И в вере обретётся сила.
Душа славянская дрожит:
Трудна к любви её дорога.
Но как по-русски дорожит
Тем, что ниспослано от Бога!

Разговор со смертью

Подумать дай, не торопи!
Душа горит и сердце верит.
Но, вот, война ещёвопит,
Гоняя кровь по Божьим венам.
А человеку невдомёк,
Что и Господь порой взирает,
Как мы грехи бросаем в мёд
Любви, забыв о Божьем рае.
Врагов мы косим, как траву,
Да что их жизнь? своя дороже!
А перед смертью в синеву
Глядим и восклицаем: «Боже!»
А он ведь любит нас, людей,—
Тот, кто о Родине печётся,
Пред смертью думает о ней.
И что солдату остается?
А смерть сказала: «Я с тобой.
Сейчас умрёшь, жена заплачет.
Но будет жив ребёнок твой,
А его вера что-то значит!»

Парус надежды

Устал болтаться щепкой в океане.
В нём жизнь бурлит, а что же сделал я,
Чтоб стать дыханьем в этом дурмане
Людских страстей сегодняшнего дня?
И кто оценит детскую наивность
Усталой человеческой души?
Оценит кто российскую ранимость
Того, кто верит в дружбу и грешит?
Но если щепка парус расправляет
И истиной несётся по волнам,
Поэзия молитвенно вздыхает,
Давая жизнь надежде и стихам.

Глас ангельский Руси

От материнских слёз
И до победы духа
Проторена Российская стезя.
И колокол, и колокол
Доносит глас до слуха,
Божественной молитвою
Грехи врагов разя.
И катится, и катится
В просторы деревенские
Волна Руси крылатой
От самого Кремля.
И щит страны нехоженной
Поднят руками детскими,
Как поднимает слово
Российская земля.
И славится, и славится
Дух верою великою
Под знаменем Божественным,
Под знаменем любви.
И колокол печалится
Душою многоликою,
Отдав тепло сердечное,
Пролитое людьми.
И славься, славься верою

Слёз материнских, колокол,
И славу корня русского
Неси, любви река.
И Крест целуй, народ ты мой,
Рутиной слёзно-горькою, —
Во славу духа русского
Иди в века.
И сила, сила Божия
Летит крылатым Ангелом
От мира и до вечности,
Срываясь в детский смех.
И «аллилуйя» Истины
Согрета Крестным ладаном —
Так жизнью славься, Русь моя!
И да исчезнет смерть!

Рука Фантазии

*Художнику Николаю Деткову
посвящается*

Виват! Закончена картина!
Взяв своих мыслей пережат,
Прошёл художник по долине
Своих фантазий сквозь века.
Истрёпан жизнью на две трети,
Земным дыханьем тысяч лиц
Он прикоснулся к этой тверди
Лучом божественных страниц;
Мерцаньем звёздной паутины,
Под взглядом обнажённых чувств,
Взрастив историю картины,
Коль эта ноша по плечу,
Коль мир художника – искусство,
А для любви преграды нет,
Ведь без неё в квартире пусто,
Как пуст в цветенье пустоцвет.
Любовь к России – бесконечна,
Как во Вселенной – звездопад,
Как для мирского вздоха – нечто,
Как для порыва – пережат
Его судьбы, его взросленья,
Его греховности стиха,

Торча в горниле вдохновенья,
Как не догрызенный сухарь,
Чтоб шёл художник по долине
В порыве святости, пока
Его мазками по картине
Ведёт Небесная Рука.

Мольба

Как можно низко пасть, когда весь грешен!
Но я пойду к любви Твоей тропой.
Пусть я в гордыне страшной безутешен,
Но я ведь Твой ребёнок! Я ведь Твой!
Я глуп и безрассуден до ухарства,
Я беззащитен, слеп, но я – любовь
Твоих свечей молитвенного царства.
Я – грех во имя истины и... боль.
Народ поймет, народ утешить сможет.
Но я ведь гол в прощении Твоём.
И пусть гордыня мою совесть гложет,
Твоё дыханье чувствую нутром.
Ты непрестанно дышишь мне в затылок
Всё потому, что я Твоё дитя.
И пусть греховность в храме не остыла,
К Тебе Единому мольбы мои летят.
Прошу и умоляю: будь со мною!
Ведь без Тебя все замыслы пусты.
Грехи я в покаянии умою
Потоком слёз, чтобы услышал Ты!

Дорогое обретение

В молитве ожидаешь ты прощенья,
И в том твоё прощенье. Славен Бог!
Душа твоя желает очищенья
Грехов, что избежать ты сам не смог.
Боль точит жизнь безжалостно и горько —
В ней столько глупости и столько чистоты,
Что под бессилием живёт надежда только
Во имя сокровенной доброты.
Ну, так встряхнись и обращай к Богу,
Чтоб не сочилась желчью твоя жизнь.
Не отдавай всё светлое пороку,
Люби семью, отвергнув миражи.
В своих грехах, в своей любви и вере
Не запятнай любовь Его вовек.
Пусть та любовь горит свечою в теле,
Ведь не скотина ты, а человек.
И коль найдёшь свой стержень во Вселенной,
В молитве обретёшь свою любовь.
И пусть она останется нетленной.
И да хранит твоё смирение Бог!

Дитя Христа

Душа стремится к Богу и к берёзам,
Душа стремится верить и любить.
А жизнь тебя – о землю пьяным носом,
И в истерических рыданиях гнобит.
И тянется твоя душа к Распятью,
И в храме, не жалея горьких слёз,
Душою жмешься к вере, словно к платью
Обиды прижимает детский нос.
Ведь с плачем малыша уже с пелёнок
Горит огнём духовная свеча.
А ты перед Христом опять ребёнок,
В своих грехах погрязший сгоряча.
Измазавшись в них болью, как в навозе,
В Божественном вкушая чистоту,
Рукою прикасаешься к берёзе,
Как сердцем прикасаешься к Христу.

Вместе с народом

Я могу изрыдать только в храме
Черноту беспокойной души,
Потянуться прощением к маме
И к отцу, в своей правде и лжи.
Я дошёл в своих страхах до точки:
Мне осталось нетвёрдой рукой
Имена написать на листочке,
Те, что пишутся за упокой.
И за здоровье ныне живущих
На другом на листе записать,
Тех, со мною по жизни идущих,
Тех, кого я боюсь потерять.
Записать, как их пишет веками
Доброта человеческих рук,
А молитва утешит стихами
В мире жизненных встреч и разлук.
И нервозная горечь бессонно
Всё спешит в память прожитых лет,
В тишину колокольного звона,
В музыкальный Божественный свет.
И, в молитвах ища утешенье,
Перед Господом день ото дня
Наш народ приклоняет колени, —
Вместе с ним приклоняю и я.

Боль вздохнёт об отце и о маме,
И раскаянье кинется в дрожь,
Чтоб молитвенно выплакать в храме
Всю греховную правду и ложь.

В поисках любви

Ныряют в осень солнечные листья...
На лавочке мой друг лишился сна.
А ночь повесила свои кулисы,
За ними жмётся к дереву фонарь.
И тишина... Как часто после бури
Семейных драм нас обжигает боль,
И мы уходим в ночь, куря додури,
Чтоб выжечь «неудачную» любовь.
Со злостью мы находим оправдания
Тому, что пьём, что тянет воровать,
И с пьяных глаз рождаются рыдания...
Да некому страдальцев утешать.
Поэтому нас утешает ругань,
И мы ворчим порою невпопад.
Уж лучше здесь переживать за друга,
Чтобы в сердцах не перейти на мат.
А у окна тебе не до скандалов:
Ты, как и друг, влюблён и сам любим.
Глядишь, под утро даже легче стало,
Что был так беззащитен и раним,
Что в утешенье ночь дышала влагой
И сердце согревала тишина.
И пусть мой грех не наделён отвагой,
Я всё смотрю на друга из окна.

Сосредоточенно заглядывая в лужи,
Он ищет веру сквозь фонарный свет.
И, светлой грустью растревожив душу,
Купает мысли в солнечной листве.

Прорыв из одиночества

В простудной дрёме окна почернели,
К оконным рамам прилепились шторы,
И в царстве сна хозяйничают тени,
Загнав в дома дневные разговоры.
А сколько их перерастёт в скандалы?
Олегу это хорошо известно:
В семейной жизни было их немало...
А вот без них в пустой квартире тесно!
Стареет одиночество от пьянки,
Душа горит от вечных оправданий
И с памятью своей играет в прятки.
Да толку, коль в грехах ты вечный странник?
Пришел тот день! Он бросил пить! А дальше
Себя жалеть? Так это было прежде.
Теперь глядит на окна, как и раньше,
Но видит Божьи капельки надежды.
Взгляд грешника от царства сна очнулся,
В глазах застыли листопадом люстры.
...Олег вдруг просветлел и улыбнулся:
Ведь свет надежды зажигают люди!

Восьмое марта

Ах, женщины, ах, женщины, ах женщины!
Ах, русские красавицы мои,
Любовью зашивающие трещины,
Которые кровавый век кроит.
И хоть страдания ваши – дело личное,
Но в череде незавершённых дел
Идёт, идёт по городу столичному
Восьмое марта, начиная день.
И рвётся в мир надежд душа раздольная,
Лишь только за собою позови;
Звонит в колокола Первопрестольная,
Раскрыв объятия женственной любви.
И в той любви найдётся место святости
Душевной хлебосольной широты,
Чтоб в горе жить с любимыми и в радости,
Чтобы очаг семейный не остыл.
Пуškai войною судьбы перекрещены –
Для материнских слёз открыта дверь,
А русские Божественные женщины
Идут в свой день по мартовской Москве.
И будут разносить по миру здравицы,
Распевы колокольной чистоты,
Пока в руках Российские красавицы
Несут свои любимые цветы.

Не торопись

Друзей хватает в этой жизни.
Порой ошибка: верить им.
Сегодня оказался лишним,
А завтра жалким и больным.
Ты окунулся в безразличие,
Ты заглянул в глаза людей.
И вроде искренность в наличии,
И пробирает до костей.
Не торопись в своем желанье
В порыве гнева ставить крест.
Прости! – и Божие дыханье
Не огорчит коварный бес.
И сделай шаг к своей молитве,
Еще не ведая пути.
Пройди по вере, как по бритве,
Что бы прощенье обрести.

Цветаевская сага

У девичества России косы русские,
Хлебным злаком колосющаяся стать,
Васильковые глаза по-царски грустные
С деревенским песнопеньем птичьих стай.
И несёт она в рассветы бабью долюшку,
Долю женскую на снежный холст листа –
У Цветаевой Марины в русском полюшке
Вера женская по-девичьи чиста.
И пускай она слезой под ветром клонится,
Васильковою грустинкою тиха,
Но летит щемящим словом за околицу
Женской нежностью исконно русских хат.
Слово в слово льётся радость деревенская,
Тишина такая – мама, не горюй! –
И ногами топчет землю радость детская,
По российскому простору сделав крюк.
И тепло, жалея чувство листопадное,
Закружится в вальсе девичьей судьбой,
И расправит вечер звёздочки закатные,
Пробежав по чувствам светлой полосой.
А Цветаева Марина взором вечности
Разжигала в сердце звёздные костры, –
И на снежный лист ложились чувства девичьи
Васильковым взглядом Божьей доброты.

А Россия, позабыв своё девичество,
С новым веком закружившая роман,
Деревенскою страдой Его Величества
Заполняла урожаем закрома.

Признание другу

Благодарю тебя, мой друг,
За мимолётные беседы,
За то, что, встретившись не вдруг,
Живём в Москве – почти соседи.
Твой путь тревожит непокой,
Ты придаешь дыханье слову,
И фонтанируешь строкой,
В сердцах рождающей основу.
Когда же в хаосе идей
Свой узел жизнь затянет туго,
Придёт на помощь в гвалте дней
Твоя тишайшая супруга.
Ты мчишься к истине, как стриж,
И не становишься моложе,
И веришь в то, что говоришь.
А эта вера – вера Божья.

Новое рождение

Ах, как изыскано она
Застыла в лёгком напряженье.
Хоть светел взор – душа пьяна
Любовной бурей раздраженья.
Рука касается лица,
Исчезли искры наважденья,
И нет начала и конца
Попыткам взлёта и паденья
Её сценической души.
Но в тишине, готовясь к буре,
Рука по-своему решит,
В который раз, как это будет.
В сердцах нечаянно смахнёт
Актриса новое рождение,
И путь, что заново пройдёт, –
Не просто перевоплощенье,
А истина, что, словно тень,
Скользнёт по телу зимней дрожью...
Любовь сгорит, вкусив ту хмель,
Но – не погаснет искра Божья!

Полёт сердца

Закружилась в вихре танца,
Сердце бросила в народ,
Растопила в потном кварце
Душу, вырвавшись в полёт.

«Ах, Наталья! Смех и слёзы!
Зал весь замер. Ох, сгоришь!
И исчезнет дух берёзы
За кулисами, какмышь».

«Что вы! Что вы! Я же птица!
Мне к людским сердцам лететь.
Ведь журавль – не синица:
В нём искрится жизни медь.

Как закат, что неизменно
Для любви благословен,
Белой птицей непременно
В зал сорвусь со сцены в век!»

Посвящение актрисе

Со сцены тянется рука,
Коснувшись зрительского зала.
Пунцовым пламенем щека
Горит, как лампа, от накала.
Слова, сорвав улыбку с губ,
Не прячут горечь униженья.
Пусть монолог актрисы груб,
Но он снимает напряжение,
И возвращает ей лицо,
Срывая маску безразличья...
Взгляд, затуманенный пылью,
Вдруг обнажает боль девичью.
Она умылась пустотой!
Храни, Господь, её терпенье.
И жизнь безудержной рекой
Течёт в любовь от Сотворенья.
А мир, как безразличный шест,
Срывает с губ мирское имя.
Но, вот, для зрителей в душе
Актрисы нет – есть героиня!

Возрождение

-1-

Пылятся в памяти года,
Оставив след в песках Афгана,
И сердце ноет иногда
За рюмкой водки ветерана.

Но он не пьян... клокочет злость...
Вот и кишлак... идёт зачистка.
Здесь море крови пролилось
В кольцо проклятия и визга.

Ну, хоть бы кто-то уцелел,
Схватившись насмерть в рукопашной!
Но только месиво из тел
Скользнёт рычаньем в день вчерашний,

И люто сердце обожжёт,
Вдруг уподобившись стихии.
Смерть в автомате заорёт,
Застрав в ушах сынов России.

Они умеют умирать!
И побеждать они умеют!
А если надо – убивать,
За чью-то пьяную идею.

Тупая боль стучит в висках,
Насквозь пропитанная ядом.
И заползает в совесть страх,
Сжигая ноздри трупным смрадом.

Нога распахивает дверь.
В прищуре вздрагивают веки.
И на порог вступает смерть,
Приняв обличье человека.

Он взгляд роняет в полутьму.
Здесь женщина... Она убита.
За дерзость, судя по всему,
Небрежно пулями прошита.

Спиной к стене прижалась дочь –
Лицо в крови, и руки тоже.
И только губы шепчут: «Прочь!»
- Давай, шепчи! Сегодня можно!

И только он хотел уйти,
Она, как ветер, встрепенулась,
И в уши дунуло: «Умри!»
- Вот стерва! Кажется, рехнулась.

Увидев нож, он даже взмок,
В который раз поддавшись страху.
Остервенело вжал курок:
«Ну, мать твою!.. молись Аллаху!»

Молчаньем захлебнулся стон.
В глазах застыла капля жизни,
По жилам проливаясь сном
В его покой, кошмар и мысли.

Устали руки убивать!..
Его домой ждала Столица...
А губы рвались повторять
Её надрывное: «Убийца!»

-2-

Клеймо терзало десять лет,
Напоминая, что вернулся,
Пока однажды этот бред
Со сном кошмарным не столкнулся.

Вплотную встретились глаза,
И шевельнулось узнаванье,
И капля жизни, как гроза,
Сверкнула страхом ожидания.

- Жива! Мой Бог! Она жива! —
О, облегчение и ужас!
И, в горле лопнув, тетива
Метнула тяжкий стон наружу.

И захлестнула пустота
Его покой, кошмар и мысли.

И тихо дрогнули уста:
«Что может быть дороже жизни?..»

Вкусив убийственный недуг,
В страданиях воскрешая лица,
Он прошептал душою вдруг:
«Я человек, а не убийца».

Мысль в искупление снизошла.
Ему с ней жить. И в ней родиться!
И с этой капелькой тепла
Смиренно к Богу обратиться.

Чтобы глаза, коснувшись глаз,
Уже в иной, в духовной битве,
Согрели душу – в первый раз! –
Слезой утешившись в молитве...

Чужая боль

Начало марта, день прожит.
Он был весенним от рожденья.
Жизнь оборвали этажи:
Ступень, другая и – паденье.
Бессилье стискивало грудь,
Неповоротливого тела.
И только несколько минут,
У смерти вымолить хотело.
Его не знал, но в горле ком,
Застрял, когда на лицах скорбных.
Застыл кладбищенский покой,
Покой среди живых и мёртвых.
Чужую смерть не выношу,
Чужою болью отболею.
Слезами землю орошу,
И веками отяжелею.

Царская улыбка

Монаршья честь

*Солдатушки, бравы
ребятушки,
А в чем ваша доля?
«Наша доля – Государя воля,
Вот в чем наша доля!»*

Далеко ли, далеко ли
Через нищенскую мглу
Шаг держать солдатской доле
По Российскому селу?
Что направо, что налево –
Пьёт мужик, теряя стыд;
И, попав во вражий невод,
Святым Духом в горе сыт.
Ни работы, ни желанья –
Только пьяная стезя,
Да безудержное ржанье,
Да мышинная возня.
Ну, проспался, ну, скрутило...
В нервы врезалась жена,
Всё обрыдло, всё постыло –
Даже «жизня» не нужна.
Где колхоз? Ну, где деревня?
Ни слышать за тишиной.
Только редкие моления
Рвутся в душу сединой.

А душа – она как семя:
Прослезится до земли
В год Монаршеского сева
И надеждой заболит.
Заболит Святою Русью,
К солнцу вылезет ростком
И согреет сердце грустью
Под солдатским башмаком.
А солдат – он честью дорог:
Держит шаг, как тот мужик,
Что, откинув пьяный полог,
Рвёт свой грех в святую жизнь.
А любовь – она подспорье:
Красоту не пить с лица!
Заживёт душой подворье
От Монаршего крыльца.
От такого пуда соли
Честь солдатская мила...
Далеко ли в чистом поле
С царской песней до села?

Народная награда

Согрет Помазанник Российский
Слезой церковного тепла.
Поклон тебе земной и низкий
Отныне бьют колокола.
Слова молитвенного света
Тревожат словом и скорбят
О том, кого уж больше нету,
Но тот, кто для России свят.
Вот только память худо-бедно
Даёт нам правильный урок,
Что революции победно
Рвут наши души, рвут их впрок,
Чтоб, наступив грехом на веру,
Всходила «новая» заря...
В тот год народ, не зная меры,
Взял и отрекся от царя.
Взял и отрекся... Боже Правый!
Рванул в гражданскую войну,
Хлебнул убийственной отравы,
Как черный волос – седину.
И кровь лилась, лилась расплата
В «советской солнечной стране».
... Народа грешного награда
В слезах куётся и в огне.

Солдат и поэт

Солдат спросил: «Скажи, поэт,
Чем жизнь прогневали солдаты?
Воюют всё, а денег нет.
А смерть — за мужество расплата.
И обезбожена семья.
Ребенок есть — отцовства нету.
И, вдовство женское кормя,
Супруга мыкает по свету
В плену израненной души
В тех самых днях воспоминаний,
Где лист супружества просит
Любовной нитью ожиданий.
А тут ещё старушка мать.
Как ей смириться с женской долей:
Растить дитя и потерять
На том кровавом бранном поле,
Куда и сон не залетал,
А взял и сделал остановку?
Рванул солдат в девятый вал,
В геройство выписав путевку.
А в том геройстве есть ли смысл?
В чем Божий промысел солдата,
Коль кровью провожаем мысль
Из рая детства в будни ада?
Ведь раньше царское плечо
Давало повод к лучшей доле.
Война кусала горячо,

И выходили рати в поле,
Чтоб, умирая, побеждать,
И, побеждая, верить в Бога!
И в горе понимала мать,
Что у солдат своя дорога.
А мы идем, невесть куда...
И там, скажи, за что воюем,
Кладем безусые года
И в похоронку смерть покуем?
Скажи поэт?» Поэт сказал:
«В своей поэзии я воин.
И подвиг твой в моих глазах
Доверья Господа достоин.
А Божий промысел, солдат –
В берёзовой Российской вере,
Когда под мирным небом спят
Жена, дитя и мать... Ты веришь
В такой сюжет, в такой расклад?
И в этом царское начало!
А я тебе по духу – брат,
Чтоб жизнь напрасно не скучала.
Винтовку правды зарядив,
Свое перо макну в чернила...
Ведь я творю, пока ты жив:
И в нашей жизни – Божья сила!
Мы убиваем: я пером,
А ты винтовкой. Бьем по цели!
Присягу мужества даем,

И жизнь храним в Российском теле.
В том Божьем теле, что Господь
Ссудил сынам для мирной доли,
И царской волей дышит плоть
На этом самом бранном поле.
Судьбы крутые виражи
Прессует жизнь сквозь боль и пламя.
Ты охраняешь рубежи,
Я охраняю Божью память.
И в этой памяти я чист
Своей душой, твоим порывом,
Ведь наша жизнь – кровавый лист
Пред историческим разрывом.
Он нашим братством убелён!
В бою солдат России верен!
А перед смертью бьёт поклон
Царю, Отечеству и Вере.

Необузданная тройка

В чистом поле тройка мчится:
Разрезвилась, разошлась.
В соловьиные Российские просторы,
За плечами – миг столетий,
А летит, как в первый раз,
Разрывая грудью ветренные стоны,
А ямщик свистит задорно,
Колокольчик рвется в пляс.
Это рвется в нашу жизнь душа народа,
Это вера Божью удаль
Выставляет напоказ,
Дождаясь святость царского прихода,
Чтоб идти в былую славу
За Божественной звездой,
В свет прощенья небесной благодати,
Чтобы с песней соловьиной,
Опаленною бедой,
Шли по площади полки бессмертной рати.
А к прощенью народа
Путь лежал через войну,
Через сорванные царские погоны,
Через лобные расстрелы,
Что бросали в седину;
Через бабий жуткий крик
Да вдовьи стоны.
Через всё, что было правдой,

Но неправдой нареклось;
Через всё, что есть, и всё, что только будет,
Покрывая смертной пылью
Боль серебряных волос,
Раздирая в клочья век солдатских судеб.
Сколько их в кровавой сече
В нашу землю полегло,
Защищая царский день светло и стойко!
И несётся по России
Полею в Царское село,
Споря с ветром, необузданная тройка.

Царская улыбка

Хлопнет дверь, за ней другая,
Лопнут нервы и взорвутся.
Рвётся с губ метель такая,
Что и уши содрогнуться
От подобного напора
С трёхэтажным беспокойством.
Закипает в жилах ссора
И разгульное геройство.
А война, она не дремлет:
Хлопнет дверью – так уж хлопнет,
И раскачивает древо
Всей России в три прихлопа,
В два притопа до Престола,
До истоков царской чести,
Чтоб взбодрить кровавый топот,
Марширующий на месте.
И, содрав с Руси рубаху,
Разгуляться страшной бойней,
Бросив царский крест на плаху,
Оставляя век в исподнем,
Научилась хлопать дверью!
Но с Россией шутки плохи:
За Помазанником веры
Шаг равняет плоть от плоти
Всей народною дружиной
Несгибаемая воля.
Мерит смерть людей аршином

И с ума страдальцев сводит,
Только дверью уж не хлопнуть,
Коль Помазанник вернётся
И, войдя в святое лоно,
Всей России улыбнётся.
А Россия сбросит страхи
В век, что мается в исподнем,
Чтоб поднять с кровавой плахи
Крест упавший – Крест Господень.

Весы

Всё также тикают часы,
Всё также бьют по клавишам минуты,
Всё так же в такт качаются весы:
То в день, то в ночь, небесным взором лютым.
Всё так, всё так, всё так... Или не так?
А, может, в мире всё не так уж плохо?
России надо сделать только шаг –
Шаг русской веры в Царскую эпоху.
И пусть мужик Царя не уберёт
От этой самой своры власть имущих,
Его молитвы вновь услышит Бог,
В мирских проблемах обществу присущих.
Ведь за Царём вольготно мужику
Любить свою страну под сводом веры,
И мир любить, как детство старику,
Став миротворцем правды новой эры.
Для мира он всего лишь проводник,
А для народа царского – опора.
Для Господа он – грешный ученик,
Спаситель душ от лютого позора.
Он – Третий Рим в молитве и любви.
Ведь он мужик, он просто верит в Бога.
Пусть боль войной в его душе кровит,
Он православный: в мир его дорога.
К Царю, к Царю, пусть так или не так,
Он шёл к нему чертогами прощенья,

Но к очищению правды сделал шаг
Через враньё, убийства и лишенья.
А в Доме Царском тикают часы,
Всё так же бьют молитвенно минуты
По клавишам, как в капельку росы
Бьёт первый луч девятым майским утром.
И нету лучше место для жилья,
Чем этот луч вселенского простора:
В нем царская державная земля —
Для мира и защита, и опора.
Ведь в доме, где есть место для грозы
Междоусобной лютости и бреда,
Качаются небесные часы
То в день, то в ночь, Российской каплей света.

Первый шаг

Когда надежду вымоешь теплом,
Как будто взглядом вымыл хмурость неба,
Все мысли, что несутся кувырком,
Утонут в чувствах, словно зёрна в хлебе.
Задышит город снежной теплотой,
Укрыв осенний зуд московских улиц,
И пробежит зеркальной слюдой
Морозец, спрессовав сугробныйулий.
И выйдет беспокойное дитя
На это поле снежной паутины,
И будет мять историю шутя
Походкой бодрой, словно смех – рутину.
Пусть выжигала царскую любовь
Калёным строем эхо революций,
И в материнский ужас бился лбом
Трибунным кличем праведных инструкций,
И сыпался осколками надежд
По всей стране, по всей земле Российской,
Но не сдавала вера свой рубеж,
Народу русскому до боли близкий.
Дитя страны впечатает свой след
В историю заснеженного поля,
Чтоб перемены вырвали с колен
Российский век, о чём так люди молят.
В сей славный век юнец проложит путь,
Ведь он же русский, русский, слава Богу!

И пусть ещё малыш, ну, что же, пусть,
Зато вступил на царскую дорогу.
Своим рождением был благословен,
Сорвался в жизнь крещёным плачем века,
Перед иконой Божьей встал с колен –
И сделал шаг большого человека.

Перекрестки судьбы

По Арбату, по Арбату,
Вглубь во дворики любви
Рвется шагом беспокойство пацанёнка.
И в московской взрослой жизни
Он добром мастеровит,
Божьей милостью российского ребенка.
По асфальту, по асфальту,
Бьются пульсом ритмы ног,
Бороздящие московские просторы.
И дорогами вселенной
Им протопать суждено
Через годы и века, сквозь боль и ссоры.
И с мальчишеским упрямством,
Разбредаясь по домам,
Топчут радости домашнего уюта.
И крестом врачует судьбы
Перед зеркалом гримас
День греховный, что расписан по минутам.
А Господь живёт в молитвах,
Сколько совесть не триви,
Черной памятью Российского раскола.
И, готовясь к этой встрече,
Он народ благословит,
Ожидая детство царского Престола.
Этим детством Русь святая
Потревожит грешный мир,

Возродив своё былое хлебосољство.
И военную отраву,
Оголенную до дыр,
Смоет верою славянского упорства.
По Арбату, по Арбату,
Вглубь Россійского двора,
Пацанёнку предначертана дорога
Через войны, через судьбы,
Через тысячи преград,
До молитвенного Божьего порога.
И смирение людское
Повернется к небесам,
Всколыхнув душевный трепет в миллионах.
И Божественное слово
Разойдётся по домам,
Янтарём рассыпав звёзды на погонах.
Всенародным ополченьем
Встанет памяти редут,
Возродив рассвет столетнего заката.
И за царскою любовью
Пацанёнка позовут
Перекрёстки духа Русского Арбата.

Эхо революций

Разнесло-то вас как, раскрасавило,
Лубяные деревеньки, вдоль дорог.
А вот тяги к земле поубавилось –
Нынче в людях деревенских недород.
А Никола-то к земле не пашенной
Приложить свои коленочки не прочь.
Да народишко-то стало безбашенный,
И любовью запустенью не помочь.
А чего тут помогать нелюдимым,
Коль им выйти в чисто поле не с руки?
И живут дворы в сугробах. Вестимо,
Ведь остались в них одни старики.
Да и пьют свой вечный чай деловито,
С той любовью, что осталась от отцов.
Пусть убого, да поБожески сыто,
Чтобы встретить летом внуков-сорванцов,
Чтоб приветить это новое детство,
Чтоб потомство дорогое накормить,
Чтоб дышало звонким смехом наследство,
Босиком вбегая в будущий мир.
Да прошлось бы по Руси по-хозяйски,
Да светилося бы цветеньем долгих лет,
Да не жило бы по чьей-то указке,
А вдыхало благодатный Божий свет.
Где ж Никола? А идет он в походе далёком
Приклонить наш век к могильному кресту.

И несутся мысли снежным потоком,
Словно память человека к листу,
Упокойся, корень русский, в могилах.
Упокойся, да прибудет с нами Бог.
И поклон земле, что свет приютила
Стариковского терпенья вдоль дорог.
А до кладбища любви рукой подать,
И пусть думы обжигают его страх,
Здесь лежит им похороненная мать
Под сугробом, что запутался в ветрах...
Как бы много ни скопили мы грехов,
Как бы ни был грех в раскаянье убог,
Но живут до третьих царских петухов
Лубяные деревеньки вдоль дорог.

Жизнь как жизнь

Трётся ветер о деревья,
Как о звезды трётся космос.
Спит Российская деревня,
Чуть вздыхает, словно колос.
Ветер, ветер колосится
Легкой утренней прохладой.
Ночь теряет звездный ситец,
Расточая черный ладан.
С глаз рукой срывает Марья
Деревенскую усталость, –
Хоть спала по жизни мало,
Но взбодрила душу малость.
Накормила свою живность,
Уподобившись кухарке,
И пошла по царской жизни
Шагом утренней доярки.
А навстречу – пёс бездомный.
Приблудился, притерпелся.
И, хотя по виду скромный,
Затянул собачью песню.
То ли плачет, то ли воеет,
Голод ведь с утра – не тётка.
На Марию смотрит волком.
Да от взгляда много ль толка?
Положив на землю кости,
Что с собою прихватила,

Побрела к коровам в гости,
Ну, а псу тот взгляд простила.
Пес зевнул и благодарно
Посмотрел ей вслед по-детски.
Видно, встретились не даром
Судьбы утром деревенским.
Спит деревня. Ветер, ветер
Моросит июльской дрожью.
Тишина полей с рассветом
Колосится райской рожью.
А Господь добром по жилам
Полет бабий век, как грядки,
Чтобы шла по царской жизни
Марья – поступью доярки.

Глубинка

Расходившись троекратно,
глотки вырвали «ура».
И сомкнулись в звоне царские бокалы.
И рванулись в конный штопор
под огонь на брата брат,
Распыляясь от предсмертного накала.
Убивали, убивали...
умирали, вот беда!
Да и в землю деревенскую ложились.
И пропитывалась в почве
русской кровушкой вода,
Ради тех, кто был так дорог в этой жизни.
Ну, а жизнь у мужиков-то
в покосившейся избе,
Да без баб, да после этой свистопляски?..
Воротиться воротились,
только в совести пробел
От закопанной в могилах женской ласки.
Пьется горькая стаканом,
распаляя вечный спор:
«Что же делать?»... Мужики отгоревались.
Ну, а завтра, по утряне –
к черту пьяный разговор!
«Что-то кони на привале застоялись.
Что-то болью деревенской
наши мысли замело».
За Россию рвется в пляс дурная лихость.

И от бешенной той скачки
снова – сабли наголо!
Жаль, что некому за души помолиться.
Смерть хозяйкою гуляет
по Российской стороне,
Сатанеет от кровавого дурмана.
Мужики посуровели:
на войне, как на войне.
Вновь сомкнулись в опьянении стаканы.
И рванулись годы в штопор,
в исторический забег,
От Российской тишины ломило уши.
Но в глубинке деревенской
в покосившейся избе
Троекратное «УРА!» согрело души.

А как же без царя?

А как же без царя живём и жили?
Народу за сто лет не привыкать?
Пусть революция семнадцатого в силе,
Но ведь не вечна нищенская гладь.
Пойдут круги в Российские просторы –
Народ ведь не обманешь забытьём.
Пушай забился дух народный в норы,
Его не купишь краденным рублём,
Рублём, что за грехи цепляет боком
И жалит сердце Родины огнём.
Но колокольный звон небесным током
Не даст уснуть душе безбожным сном.
Вот, кто-то из толпы. Похоже, Вовка.
Вдруг крестится, колени приклонив.
Не в церкви, нет, а в поле. Что, издёвка?
Да нет, он молит Бога, пока жив.
Пока жива святая вера предков,
Пока согрета Крестной болью Русь,
Народ встречает подлость Божьей сеткой
И предаёт огню сейчёрный груз.
Сочится мрак сквозь веру поколений,
Но кровь на плахе вопиёт не зря.
Ведь он придет – Помазанник столетний.
Взойдет на Трон. А как же без царя?

Царская ода

Мать дитя своё качает:
«Спи, сынок, усни, мой милый».
И, к любви прижавшись, чадо
Копит, копит свои силы...
Увлекает грех Российский
Обездоленную совесть
В путь кровавый, путь не близкий –
От шальной беды да в горесть.
Темень, темень льётся кровью,
Жизнь трещит по швам, как кожа.
Большевицкое сословье
Тычет царственностью в рожу.
Кроет матом в печке холод,
Как хмельной солдат с порога,
И в Поволжье рвётся голод
По Российским по дорогам.
А вокруг шумят берёзы
Золотистым листопадом,
И солдатским рёвом грозы
Бьют по матери ухватом.
Жизнь раскачивает топот:
«Левой! Левой!», – снова в детство,
И прессует дробным током
Память царского наследства.
Мать в дите души не чаёт,
Чуть дрожит тревогой голос,

Сон мечту свою качает,
Как качает землю колос,
Как качает звёзды время, —
И в идиллии семейной
Материнским светом реет
Белый Царь всея вселенной.

.

Найти себя...

(Из раннего творчества)

Мой город

Лица коснулся поцелуй морского ветра:
Июль вдыхал московскую прохладу.
Мой город был по-летнему приветлив,
Предавшись сну в предутреннюю вахту.
Я замер, и душа вдруг задохнулась,
Да, задохнулась, чтобы на мгновенье
Передо мною небо распахнулось,
Вобрав в себя простуженные тени.
Не обронив свой пыл мгновенной вспышкой
Столь свежих чувств, навеянных Москвою,
Я был готов, прислушавшись, услышать
Биенье волн, подвластных Божьей воле.
По Божьей воле тень коснулась неба,
Оставив город с запоздалым рвением,
В своем желанье выглядеть нелепо,
Сон прервала одним прикосновением.

Мне мало надо

Елка, подняв ворот,
В небо глядит сонно.
Дышит в лицо холод,
Прям, как мороз в окна.
Снег на ветвях дремлет:
Может, во сне хочет
Он Рождество встретить,
Так же, как все прочие.
Только нужна малость —
Встретить с семьей рядом.
И испытать радость,
Что мне еще надо?

Дорога к слову

Стихи не любят суеты,
Они рождаются в мученьях.
И для поэта вдохновение –
Как в жаркий день стакан воды.
Уже написана строка,
И проявляется картина,
Сплетая мысли в паутину.
Я отложу ее пока.
Пока в душе сомнений нет,
Необходимо прогуляться.
И в своих чувствах разобраться,
Что где-то прячутся во мне.
И, не замеченным никем,
Из дома выйти на аллею.
Я чувства сдерживать не смею,
И строчка тянется к строке.
От размышлений я устал,
Но снова память напрягаю.
Как краски, рифмы подбираю,
Но каждая из них не та.
Дорога к слову нелегка,
Я уповаю на терпенье.
И о любви стихотворенье,
Я напишу наверняка.

Свидание

Пухом снег летит под ноги,
По делам спешит народ.
Я шагаю по дороге,
До Каширского метро.
А до встречи, очень кстати,
Есть в запасе полчаса.
Значит, времени мне хватит
Для прогулки за глаза.
Денег нет, хотя на чудо
Всё надеется жена.
Но к чему тревожить чувства?
Мне испортит их она.
Шаг прибавить не пытаюсь,
Час назначенный прошёл.
Я прохожим улыбаюсь,
Мне сегодня хорошо.
Ну, а это означает:
Ждёт любимая меня.
Пусть немного поскучает,
Не спешу навстречу я.

Везение

Трава через асфальт – как из земли ручей,
Превозмогая боль, вдруг вырвалась из плена.
И встретила рассвет под топот москвичей,
Борящихся с утра со сном обыкновенно.
И что им до того, что в голову пришло,
Кому-нибудь из них вдруг взять остановиться?
Ведь мне, быть может, очень повезло
Вот так же, как траве, на свете появиться.

Найти себя

Я, как поэт, на пьедестал,
Был водружён внепланово.
Свою поэзию читал.
Её осмыслить заново
Я не готов ещё пока.
Считаю, тем не менее,
Что отлеталось в облаках
Былое самомнение.
На землю спустится с небес,
Ведь во сто крат полезнее,
Найдя поэзию в себе,
Найти себя в поэзии.

За рюмкой

Пришлось расслабиться вчера.
Мы на ночь выпили три рюмки.
Был повод,проще говоря,
Для нашей маленькой задумки.
На улице ещё мороз,
А в организме всё в порядке.
Нам самогонка как наркоз,
И очень хочется добавки.
Ну, что ещё для мужиков
В полночный час на кухне нужно?
Скажу, как есть без, дураков:
Чтоб не дай Бог не стало скучно.
Слегка по матери пройтись,
Но эта больше для порядка.
В воспоминанье унестишь,
Отдавшись теме без остатка.
Найдём решение проблем
В один момент без разговора.
В своем кругу,не а бы с кем,
Слиняв от женского надзора.
Такая легкость на душе,
Что и мороз«по барабану».
Пивка вдогонку – и уже
Позволить можно по стакану.
И хоть нам пьяными не быть,

Зато развеялись немножко.
Осталось только покурить
У приоткрытого окошка.
Печально, что ни говори,
Но в утешенье хоть поели.
За рюмкой душу отвели,
А заодно и посидели.

Два шага к истине

Шорох, другой... я в плену полуслова,
Еле дрожит онемевший язык.
Выдох и вдох... мозг по-прежнему скован...
Внутренний страх подстерёг и настиг.
Нужно бежать, но не справится тело.
Страх обуял и не хватит меня.
Значит, стоять и надеется в целом,
Что ничего от себя не отнять.
Что же я там не сказал, не домыслил?
Шорохи, шорохи, страхи из тьмы.
Я недвижим, но поступок не мыслим:
Делаю шаг вот от этой стены,
Первой стены для меня и последней.
Я победил по прошествии лет.
Значит, второй будет тоже победным,
В сердце оставив Божественный свет.

На грани жизни и смерти

Человек остановился, подумал и улыбнулся.
Ему улыбнулось солнце, небо ему улыбнулось.
Осенний несносный ветер тоже на миг
встрепенулся,
Даже шальная пуля дыхания его не коснулась.
А он всё мечтал о чем-то и тихо смеялся
мыслям,
Забыв о войне. Напрасно. Обман – её
передышка.
Дождётся. Шальная пуля, боюсь, за него
домыслит.
Она свое исчерпала терпенье. Ничто не спасет
мальчишку.
А я все стоял и думал до боли в глазах, до
дрожи,
О том, как в далеком прошлом мы были совсем
такие.
И мне показалось странным, что я улыбнулся
тоже,
Что кроме меня, быть может, его не поймут
другие.

Тишина войны

Повисла тишина над головой,
Так, значит, отдохнем и повоюем.
Пускай мы на войне. Война –войной,
А мы с тобою это перекурим.
А нам премудрость вовсе не нужна,
Пока мы на привале отдыхаем.
В ушах звенит покоем тишина,
А мы о ней почти не вспоминаем.
И пусть война нам шепчет о своём,
Но как бы эта гостья не старалась,
Мы тишину победой позовём,
Чтобы она нам эхом отозвалась.
Забытой болью сердце защежит
От этого звенящего соседства.
И память, как святыню, сохранит
Войною потревоженное детство.
Война – войной, но нам не привыкать:
Под пулями сегодня потанцуем.
В смертельном танце будем умирать.
Давай с тобою это перекурим.

Мне пора

Капли катятся по нервам,
Капли плачут по погибшим.
Друг упал от пули первым,
И меня уже не слышит.
Как же так, скажи на милость?
Только Бог не отвечает.
Да еще собачья сырость
По-осеннему дичает.
Впрочем, зимнее начало
В этом плаче откровенном
Бережит мое молчанье
Ледяным военным ветром.
Дождь прощение отсрочил,
Слезы в каплях утонули.
Друг свой путь земной закончил,
Ну, а мне пора под пули.

Боль войны

Уцелевшие в бою – все герои,
И погибшие в бою – все герои.
А судьба одна на всех – похоронки.
А по полю, где бежал, лишь воронки.
Канонада между тем отгремела.
Чуть присыпано землей моё тело.
А война, как ни крути, жизнью вертит.
От нее не убежишь даже в смерти.
Разошлась моя душа, расходилась:
«Убивать – так убивать!», – не ленилась.
Умирать – так умирать. Боже правый!
Может быть, останусь жив, буду старый.
Моя старость станет детству порукой,
И поняньчу на руках своих внуков.
Стукнет сердце на мгновенье добрее,
И в ворчливости я стану мудрее.
Помолюсь о тех, кто голову сложит,
О войне не вспомню, если поможет,
В отчем доме заслужив уваженье,
А за прошлые грехи всепрощенье.

Свеча жизни

Как зажечь мне свечу?
Не огонь, раздвигающий небо,
А всего лишь свечу,
Чтобы угли не тлели в душе?
Пусть и небо, и я,
Только двое,
И очень нелепо,
Будем выглядеть мы для других,
Превратившись в мишень.
За несчастных других
Мы с тобою сегодня в ответе:
Якогда-то давно
Не спешил их судьбой дорожить.
А теперь, вот, пришлось...
Оказавшись лишь в шаге от смерти,
Первый раз, как на зло,
Так мучительно хочется жить.

Раненное сердце

В ад спешим, а путь к нему не меняется,
У войны свои законы, о Господи.
Убиваем, ведь мёртвые не кусаются.
Остальным одна надежда – на госпиталь.
Ну, на то она и рана: затянется,
А на сердце её боль зарубцуется.
Будет смерти чья-то жизнь в пояс кланяться,
Коль огнем её отвага прессуется.

Война с адом

Патроны кончились, зная, примем смерть в
штыки,
Пролили кровушку, теперь прольётся наша.
Помилуй, Господи! До гробовой доски
Бойцам расхлёбывать заваренную кашу.
А жить-то хочется. Тем яростней в бою
Желание дышать, давить, калечить.
Страх притупляется, пока довольно юн.
Неотвратимости бессмысленно перечить.
За то мы и умрём, на то и мужики.
Пусть всё летит в тартарары к чертям собачьим.
Мы так воспитаны, и ад возьмем в штыки,
Коли наш рай безжалостно утрачен.

Расплата

Война как пыль, товарищ генерал,
Ложилась в память, словно хлопцы в землю,
В ту, что ценою их освобождал,
И эту цену не подверг сомнению.
Снег смертью пробежал по волосам:
Морщинами блестят в твоих наградах
Скупые похоронки матерям
И в письмах нерассказанная правда.
И пусть салют сегодня в честь тебя,
За горькие победные рыдания
Ты расплатился жизнями ребят
И не искал слова для оправдания.

9 мая

Поклонись на могиле неизвестных героев,
Положи к их ногам благодарный венок.
Подари на прощанье им молчанье святое,
И счастливого детства души огонёк.
Пока память не дремлет, годы славы листая,
Не померкнут страницы этих лет боевых.
И на праздник Победы в день девятого мая
Пусть расскажут о павших и о тех, кто остался
в живых.

Как пред смертью от страха учащалось дыхание:
За спиною столица и ни шагу назад.
За разбитые судьбы, за людские страдания
В книге мужества кровью расписался солдат.
Он ценой своей жизни расплатился за это,
Каждый, павший героем, нам свободу сберёг.
И оставил в наследство воробьиное лето,
Васильковое небо и любви огонёк.

Потеря друга

Эх, друзья, потерял я сегодня коня.
Что начертано, то и свершилось.
Верный конь виновато взглянул на меня,
И гусарское сердце разбилось.
Опрокинутый на бок разрывом ядра,
Тихим ржаньем со мною прощаясь,
Ослабевший от ран, он спешил умирать,
Так мучительно всё ощущая.
Мой скакун, ты в бою не жалел своих ног,
За врагом устремляясь в погоню.
Пью за друга, что смертью самой пренебрег,
Когда вихрем промчался по полю.

Это война

Война для живых. Пехота проносится прочь.
Лежит человек. Помочь бы ему, помочь!
В бою не скулят, а учатся выживать.
И выбора нет, ибо нужно врагов убивать.
И бешеный крик, а в ушах колокольный
звон.
Здесь церковь когда-то, а была теперь
умирает он.
Но это война, и чёрствость бойцам простим,
Ведь многим из них не дожить уже
к двадцати,
Не постареть, даже если уткнутся в грязь.
Мутнеют глаза, напрягаясь в последний раз.
Потери не в счёт, а ярость на всех одна.
Ну, что тут поделаешь? Это война. Война.

Облака памяти

Облака...

Как высоко они плывут неуловимо.

Похоже, в них живёт потерянное детство,

Давно забытое, и так не выносимо

Постичь всю трепетность подобного соседства.

И плыть в звенящей тишине, не видеть крови,

Не слышать хрипа на бегу, не слышать стонов.

Не повторять: «Держись, браток», – нахмулив брови,

Не щеголять своей звездой на погонах.

Всё суета, пока нетленны жизнь и небо.

И пусть война порой становится под знамя,

Смерть так близка, хотя и выглядит нелепо,

Когда, коснувшись облаков, вернётся память.

Доживём до рассвета

Задушевно тоскует гармонь,
Точит сердце, что камень струя.
И летит над Россией поклон
Тихой песней в родные края.
На просторах родимой страны
Ночь с метелью ведёт разговор.
И от вечного страха войны,
Словно мать, согревает костёр.
Оказался кисет под рукой,
Закурили и есть, что сказать.
До рассвета еще далеко,
Вот и тянет душа вспоминать.
О любимых, что дороги нам,
С кем однажды расстаться пришлось.
Вдруг кольнуло: а как они там?
И в глазах появилось тепло.
Чтоб нам выжить под шквальным огнём,
Пусть гармонь этой ночью поёт.
До рассвета уже доживём,
А на утро команда: «Вперёд!»

Дар веры

Березы смотрят на меня
В четыре жизненных огня,
Как я на прожитые годы.
И жгут небесные костры,
На радость шумной детворы,
Весны восходы и заходы.
В окне соблазнов – этот рай,
А ты зубри и повторяй,
Черпая знания из книжки.
Но лучше было б во сто крат
Бежать, куда глаза глядят,
Десятилетнему мальчишке.
А во втором окне зима,
Она не рада и сама
В февральский день зубами клацать.
Не утолить сердечный пыл
Студеным холодом кадил,
Когда тебе всего лишь двадцать.
А третье пыльное окно
Уже распахнуто давно,
В него теплом ворвалось лето.
Березовым и голубым,
К тридцатилетним заводным,
Вокруг стола перед рассветом.
В окне четвёртом опыт трех,
Друг к другу жмутся, как горох,

Как к обстоятельствам причины.
Пришла пора влюбленным быть,
И обаяние дарить
Сорокалетнего мужчины.
Быть взрослым и ребенком быть,
Таким, как есть, таким и слыть,
Ценить в других, что сердцу мило.
Чтоб за добро платить добром,
Бесценным златом-серебром,
Всем тем, чем вера одарила.

Всё сначала...

А дождь не прекращает ворожить,
И у меня закончилось терпенье.
А значит, можно книгу отложить,
И вырваться из дома в воскресенье.
Метро.

 Проспект.

 И старенький Арбат.

Не слышен шум моторной лихорадки.
Зонты, устроив пестрый маскарад,
Расправили нетерпеливо складки.
Вечерний свет, сбежав от фонарей,
Пускает корни в капелях асфальта.
И листья, словно прячась от людей,
Во дворике выделывают сальто.
Художник в ожидании застыл,
Под шум дождя скучая у витрины,
К которой аккуратно прислонил
Для обозрения странные картины.
О них его подробно расспрошу,
Пока желанье есть остановиться.
Я временем своим не дорожу,
Раз никуда не надо торопиться.
Замедлен шаг старушкою седой,
Вдохнула ночь промозглостью причала.
Окончен дождь, пора идти домой
Арбат... проспект... метро...

 И всё сначала.

Зима в вечном городе

В Москве завьюжило, метёт,
В столице хлопотно и скучно.
За Новым годом неотлучно,
Зима отправилась в поход.
И стало всё белым бело:
Прспекты улицы бульвары.
И после ночи тротуары,
Ещё сильнее замело.
Освободившись от забот,
Поддавшись слабости минутной,
Спешу туда, где многолюдно,
И где меня никто не ждет.
Чтоб появиться в тех местах,
Где только можно оказаться.
По магазинам пробежаться,
И отстоять в очередях.
У тех, кто здесь нашел приют,
Сосредоточенные лица.
И за прилавком продавщицы,
Свои товары продают.
Кому-то брошенный упрек
Порой перерастает в споры
О вечном городе, который,
Исхожен вдоль и поперек.

В своем стремление привычном —
Быть непременно на виду,
Москва скрывает доброту
За равнодушием столичным.

Газоны

Лежат газоны вдоль шоссе,
В окурках, в пробках, в удобрениях.
Грунт захлебнулся и просел,
Впитав воды до одуренья
В довольно рыхлый организм,
Хотя и с корневой системой.
А каждый корень – это жизнь,
А жизнь бесценна для вселенной.
Какие громкие слова!
Но, что они для человека,
Коль он способен наплевать,
На всё: создать и исковеркать;
Затем по новой возродить
В угоду философской мысли;
На те же грабли наступить,
Меняя только год и числа?
Но это в общем,а вообще,
Вернуться хочется к газонам,
Что вбиты в городскую щель
С беспечным мусорным позором.
В природе так – весь город гол,
А завтра зелень... всё такое.
Мыгадим, а она в укор
Нашпофигизм собой прикроет.
Гордимся выхлопной трубой,
Никак не можем надышаться.
Пусть материм между собой,

Но к ней успели привязаться.
А от газонов нам — беда,
Мы их частенько избегаем,
И замечаем лишь тогда,
Когда машинкой подстригаем.
И, запах сена уловив,
Позволим разве улыбнуться.
Глаза на небо обратив,
Замедлим шаг, чтоб не споткнуться.
Пора деревья описать!
Кору надели по фигуре.
Ну, прямо лесополоса,
Но чуть скромней: в миниатюре.
Весь грунт прощупали ногой,
Раз уж в газоны угодили.
Ну, а потом, само собой,
Упёрлись в землю и застыли.
И в каждой позе своя жизнь.
А много ль жизней у вселенной?
В любом растенье — магнетизм
Пульсирует древесной веной.
А вот про нас к чему слова?
Нашлось же место для газонов.
И пусть растёт на них трава
В тисках асфальта и бетона.
Деревья радуют глаза,
Своей неброской красотой.
А нам им сучья обрезать
С непостижимостью святою.

Случайность

По земле идёт случайность:
Встрече быть или не быть?
Выбирай любую крайность,
Ей не трудно удружить.
Нет в случайности порыва,
Любопытства тоже нет.
И от этого лениво
Переходит ночь в рассвет,
И людские отношенья
Пишет с чистого листа.
Ну, а чистые решенья –
Серым будням не чета.
Нет решениям предела,
Ход вещей не изменить.
Если выбор кем-то сделан,
Значит, так тому и быть.

Божья любовь

Лист, расправивший крыло,
В вечер падает.
В лужах сонное тепло
Сердце радует.
Снег Российский на Покров
Землю сватает.
Ну, а Божия любовь
В сердце капает.

Вдохновение

Отчего не спокойна душа?
Отчего же терзают сомнения?
Снег кружится, поземкой дыша,
И ложится в моё вдохновение.
Снегом скрыта стихов нагота,
Снежной тайной в позёмке кружится.
В полу звуках и в полу тонах
Мне ещё предстоит раствориться.

Благодарю...

Я Вас за всё благодарю,
За то, что нежностью отмечен.
За то, что Ваш порыв беспечен,
Как светлый праздник к январю.
Скользнув улыбкой в Рождество,
Влюбленной встречи отголосок, —
Он, как задумчивый философ,
Тревожит колокольный звон.
О Боже, как я Вас люблю,
Согретый праздничным свиданьем
И Вашим женским ожиданьем...
Я Вас за всё благодарю.

Смертная ночь

Просто женщина лежала,
А для сына – просто мать.
Просто смерти ожидала,
Но не просто умирать.
Очень холодно в квартире,
Чаю хочется до слез.
В рот – ни крошки, дня четыре,
Чтобы сын ей ни принёс.
«Мама, ешь, ну, что ты, мама!
Мам, послушай, надо есть.
Проглоти хотя б полграмма.
Отзовись, ведь я же здесь».
Мать вспылила: «Я поела.
Видно чая не дождусь».
Напряглась и...захрипела,
Боже, страшно. Я молюсь.
Оборвался хрип. Как тихо.
Убежать бы до утра.
Есть же ведь какой-то выход.
Телефон... звонит сестра.
Я на связи: «Да, родная...
Вызывай... Не знаю я...
Дышит. Да, пока живая.
Да, держусь... не до тебя».

Сердце бьется тише-тише,
То ли брежу, толи сплю.
Мама-мама, ну, очнись же!
Боже, страшно. Я молюсь.
Нет, лукавый, не дождешься!
Мама-мама, ну, очнись.
Ощущаю в теле дрожь я:
«Смерть, прошу, остановись!
Дай вздохнуть хоть на минуту».
Мама, слышишь? Я с тобой.
Я с тобою трое суток,
Я всегда ребенок твой.
Не бросай меня, не надо,
Хоть я весь погряз в грехах...
Ты брала меня из сада,
Убаюкивала страх.
Как могла, оберегала,
Как умеет только мать.
Надорвалась и устала,
Для врачей сошла с ума.
Как же дальше жить? Не знаю...
Боль слезами застелю.
Мой Господь, к тебе взываю:
Ты спаси ее. Молю!

Горькая молитва

Я вышел... Не знаю, куда мне идти?
Да это уже и не важно.
Ах, мама, ах, мама, ребёнка прости,
Томлюсь в волоките бумажной.
Ещё десять дней ты в больнице жила,
Врачи говорили – шутила.
И все десять дней ты ребёнка звала,
Но сына к тебе не пустили.
Теперь тебя нет. Всё мне кажется: сплю.
Как странно, родная, как странно.
Как пусто, о Боже. Тебя я молю:
«Спаси меня, Боже, мне страшно».
Вдруг кто-то кричит мне: «Глаза-то разуй,
А то угодишь под машину!
Проснись же, чудака, к переходу газуй!
Чуть-чуть не размазал по шинам!»
Спасибо шофёру, хоть вправил мозги.
Убрался с проезжей дороги.
Проклятая боль вновь штурмует виски,
И ищут пристанища ноги.
Стою возле дома, ныряю в тепло,
На третий этаж поднимаюсь.
О Господи, слезы текут, как назло,
Я ими весь день умываюсь.

Навстречу соседка: «Ну, здравствуй, сынок».
Так мама всё время встречала.
Состроив улыбку, я жму на звонок,
«Как мама?»
«А мамы не стало.
Она умерла. Вы простите меня,
Замерз, очень хочется чаю».
Согреться бы... дрожь надо чем-то унять,
А лучше бы водкой... Не знаю...
Раскрыто окно, я на горку смотрю.
На санках катаются дети.
И я среди них... Маме я говорю,
Той, самой любимой на свете:
«Смотри, как я еду! Я вовсе не трус!»
Вдруг горло от страха осипло.
И всё-таки съехал с горы... Я молюсь,
А в сердце забилося: «Спасибо».
Как тихо в квартире, как трудно дышать,
Курю, валит дым, как из печки.
Ах, мама ушла, чтобы мне не мешать...
Родителям ставлю по свечке.
Мой Бог, я любимых не смог удержать
На этом волнующем свете.
Привык, что меня есть, кому утешать,
Теперь пред Тобою в ответе.
Безропотно в мыслях к Тебе приклоню,
Дрожащий истерзанный голос.
Прости, что страдая, я плохо молюсь.
Но искренне молится горе.

Я пришёл к Тебе

Вот и мать похоронили.
Расходиться не спешили.
Но, хоть, сколько здесь ни стой,
А февраль зовет домой.
Нет отца и мамы. Грешен,
Что любви давал всё меньше.
Отвечаю невпопад.
Виноват, ох, виноват!
Вот и стал ребенок взрослым,
Но не сделался серьёзным.
Сын в сиротство не спешил,
Только всё грешил, грешил...
Не возмёшь грехи в охапку,
Не сольёшь все слёзы в шапку...
Как ни тяжело уходить, —
Есть семья и надо жить.
Я, как мог, собрался с духом:
«Ну, пойдем, земля им пухом.
Не волнуйтесь, я держусь.
От чайку не откажусь.
Отогреюсь рядом с вами,
Но теперь уже без мамы».
Вот жена и рядом сын,
Тёща с тестем... я один.

Согреваюсь их любовью.
Я один... нет, вместе с болью.
Грудь страдания теснят,
Виноват, ох, виноват!
Дома стол накрыть успели,
Помянули, посидели.
Вздых за вздохом... ляжем спать
В белоснежную кровать.
А, вот, мама отлучилась,
Отболела, отлечилась.
А сыночку не уснуть:
У него сиротский путь,
С каждодневными мечтами,
С вечной памятью о маме...
Слава Богу, все уснули,
Лица в горе утонули.
Я по памяти несусь,
Как на санках... и молюсь.
Я взываю к маме страстно:
«Мама! Мама!»... Всё напрасно.
Боль души не побороть...
Я пришёл к Тебе, Господь!

Одинокие сердца

-1-

Февраль на дворе. День холодный.
Куда-то бежит пёс голодный.
Что толку рычать старику с голодухи?
Уже не вернёшься к любимой старухе.
Она умерла, отлюбила,
А сердце огнём защемило.
Не сахар – слоняться бездомною псиной,
Навеки расставшись с уютной квартирой.
Но, всё же, найти что-то надо,
А то уже тело как вата.
И вдруг в тишине закрипели шаги,
И бок обожгло от удара ноги.
А парень стоял и смеялся,
«Ну, что, шелудивый, нарвался?
Что скалишься, сволочь? Проваливай к черту!
А будешь визжать, изувечу всю морду.
Вот палка, ну, псина безродный,
Щас будешь ты трупик холодный».
Нетвёрдой походкой он стал приближаться,
Пёс вздрогнул, похоже, сумел оклематься.
Рванул по сугробам бедняга:
«Забьет ведь, тупая собака!»

Бояться с годами за жизнь разучился,
И вот он итог: чуть её не лишился.
А сил-то уже маловато,
За всё наступает расплата.
Хоть жизнь коротка, но пожить-то охота,
Сейчас бы в тепло! Довела непогода.
Да вот ещё бег напрягает –
Бок ломит и лапа хромает.
«Куда же мне деться? Да вот подворотня!
Открытый подъезд, хоть согреюсь сегодня».
Подумав немного, решился.
Под лестницей пёс притаился:
«День прожит, а я всё живой и голодный,
Подонком избитый, бродяга безродный,
Лишённый любви и заботы,
И боль напрягает до рвоты.
Ах, жалко старуху, болезнь подкосила.
Меня баловала, любила как сына.
Её-то с войны не вернулся,
Да вовремя я подвернулся.
И жить бы да жить... Только смерть – не
кукушка:
Ломает людей, как ребенок игрушку.
Спасибо за то, что так нежно любила,
Спасибо за то, что меня приютила.
Зато, что до ночи лежал на могиле,
И в небо надтреснуто выл: «Помогите!»»

-2-

Вся жизнь на ладони в февральскую стужу.
И катится с горки быстрее и быстрее.
А годы летят, превращенные в стружку,
И сыпятся в старость, как листья с ветвей.
Старик за столом фотографии смотрит,
И радио тихо о чем-то поёт.
Сквозит одиночество и не уходит –
Оно здесь прописано, здесь и живёт.
«Ну, что, так и буду сидеть не вставая?
Пора встрепенуться и ноги размять.
Ведь жизнь-то проходит, моя – не чужая,
А мне на неё уже не наплевать.
Меня приглашать никому не охота.
Найдётся ли место под солнцем и мне?
Я в мыслях блуждаю: такая работа –
Грустить о напрасно потраченном дне.
Давай-ка закурим. Взбодрись на мгновенье!
А, может быть рюмочку, уговорим?
Глядишь, и поднимем своё настроенье,
И голод хмельной чем-нибудь утолим.
Немного осталось для нас утешенья,
Замкнуться в себе? Ну, а что впереди?
Пусть с сыном у нас не просты отношения,
Смири свою гордость да к внукам зайди.
Не хочешь? Как хочешь... Одно остается:

Отправиться в церковь грехи замолить.
Ведь, хочешь-не хочешь, а сердцу придется
В кого-то поверить, кого-то любить».
Старик отложил фотографии: «Полно..
Ну, что ж, моё право мне это сказать.
Пора бы себя отутюжить по полной...
Ну, вот, снова слёзы дрожат на глазах.
Отправляюсь я в церковь.Пойду. Накипело.
Там всё-таки люди,там всё-таки жизнь.
Друзей хоронить – не завидное дело,
Но сам-то пока я не мёртвый, кажись.
Иду, и да вспомнится всё, что забылось.
Иду, чтоб услышать Его и понять.
И выплеснуть разом, чем сердце томилось,
Ведь мне, старику, есть, что Богу сказать.

-3-

«Ничто не бывает случайным,
Особенно, правда и ложь.
И людям не кажется странным,
Когда ты молиться идёшь.
И вроде бы церковь напротив,
Да внутрь войти нелегко,
Пока человека заботит
Сверканьежителейских оков.
Какое найдёшь оправданье
Ошибкам, что в сердце храним?

Мы к Богу идём на свиданье
С желанием встретиться с Ним.
И с горечью выплеснешь душу,
Раскрыв, что хотелось забыть,
Что годы просилось наружу,
Ломая остатки судьбы.
Да много ли нужно для счастья?
Всего лишь вниманье родных,
Их чувства, любовь и участие –
И чтоб они были видны».
Минуты кружатся, как листья...
Старик оторвался от дум.
Вот Храм, воплощение истин!
От мыслей заходится дух.
«Но где же блуждает по свету
Душа, что поймёт мою боль?
Пока не дождался ответа,
А сердце даёт уже сбой».

Пес медленно вышел, встряхнулся,
Зевнул: «Так куда же теперь?»
Потом не спеша потянулся,
Взглянул с сожаленьем на дверь.
«Сюда он уже не вернется,
И так в эту ночь повезло.
И что старику остается?
Но нет перспектив, как назло.

И все-таки жалко старуху...
О Боже, как хочется есть.
Набраться собачьего духу,
Как бомж, на помойке осесть?
Ну, всё! Докатился до ручки.
Повсюду – сплошная тоска.
Подумай, не будет ли лучше.
У церкви приюта искать?
Меня там ни разу не били,
Не гнали со зла просто так,
И даже порою кормили...
Боюсь, по-другому никак».

Закончилась служба. Шагая,
Старик прошептал: «Как легко».
Спешащих людей огибая,
Он пса заприметил мельком.
И тут, зацепившись глазами,
Они наконец-то нашли
Слова, что не скажешь словами...
Старик вдруг промолвил: «Пошли».
Терзала двоих непогода:
Февральская боль нелегка.
Но Богу так было угодно,
Чтоб встретились два старика.

Материнская любовь

Хрущёвка... К ней я подхожу.
(Название это всем знакомо).
На окна мамины гляжу,
Одно открыто, значит, дома.
Увы, с годами нелегко
Не замечать преклонный возраст.
За слово доброе чайком,
Вознаградит не без проворства.
Вдохнет и спросит: как дела?
В глаза внимательно посмотрит,
И сразу видно – поняла,
Что нас на пенсию прокормит.
«Получка будет, – говорю,
Но вот когда, никто не знает».
Она в ответ мне: «Не горюй,
Не пропадем». И вновь вздыхает.
Не трудно мать уговорить,
Но кто бы знал, как не охота
Пытаться просьбами продлить,
Свои семейные расходы.
Мне бы потуже затянуть,
Ремень, но как тут удержаться?
«Халтуры» нет, и стыд забудь.
Не время чувствам придаваться.

Просить, конечно, стыдно, но
Есть повод с мамой повидаться.
А мать печётся об одном:
Чтоб одинокой не остаться.
Не торопясь мы пьем чаёк,
Пенсионерке много ль надо?
Чтоб заглянуло на часок
Её взрослеющее чадо.
Взрослею, не нажив ума,
Пытаюсь в этом усомниться.
Решаюсь на самообман, –
На что-то надо ведь решиться.
Беру из материнских рук,
Не заработанные деньги.
Сказать, на сколько, не берусь,
Но, думаю, на две недельки.
Не скрою: удовлетворён.
Всё получилось, как задумал.
На пропитание наскрёб, –
Вполне приемлемая сумма.
А дальше вру, что нездоров.
Отчасти так, мудрю отчасти,
Хотя от наших докторов
Про это слышал в медсанчасти.
Я заново учусь любить,
Как только любят свою маму.
Хотя примерным мне не быть,

Не то, что сыном лучшим самым.
Не стану чувства ворошить:
С виною как-то жить привычней.
Пора мозгами шевелить
И быть к себе самокритичным.
Но вот от критики такой
Всегда становится тревожно,
Ведь совесть – это часовой,
Боль охраняющий надежно.
Она лишь дремлет, но не спит,
И о себе напоминает.
Вино ту боль не исцелит,
А водка лишь усугубляет.
Мать всю войну пережила.
Да и потом пришлось не сладко.
Меня такого родила.
Похоже, с массой недостатков.
Но я ведь ЕСТЬ! И я дышу!
Благодарю её за это.
И по сыновьему прошу:
«Дай, Боже, многие ей лета!»

Стыд

-1-

Он нервно зевал, даже скулы сводило.
Он спорил, и речь его желчью лилась,
Да так, что берёза листвой шевелила,
А вот успокоить его не могла.
К берёзе спиною прижавшись до дрожи,
Он будто бы плакал, он будто бы выл.
Он лез в свою жизнь, словно тело из кожи,
Но так для себя ничего не решил.
У чувства свой век и налёт искушенья,
И каждая клеточка просит любви.
Но как за грехи ты получишь прощенье,
Когда все соблазны теснятся в крови,
Рвут чувства на части, суля оправданье?
Да только цена оправданию – ложь!
Ты ночью, свой страх погружая в страданья,
По совести сна, как по кругу, идешь.

Он чувствовал стыд. Раздражение уснуло.
Увидел вдруг небо и тихо вздохнул:
Там птица, как детство его, промелькнула,
И ветер верхушку березы качнул.
А небо безмолвно, но всё понимает:
Зачем человека за немощь корить?

Когда нищета всю зарплату съедает,
Воруется он, чтобы семью прокормить.
Попался – держись! Не берись, коль не можешь.
Пусть даже украл ты всего с гулькин нос.
Но голод в заначку, увы, не положишь.
Во всех отношениях душевный невроз...
А годы идут. Стал на деньгах помешан,
Все мысли об этом: найди да найди.
И мучает совесть всё меньше и меньше.
А в Библии сказано: «Не укради».
И как с этим жить? Посоветуй, подруга.
Меня осуждаешь? Мне спорить невмочь.
Такая вот жизнь интересная штука:
Другим помогая, себе не помочь.
Что толку теперь со своей колокольни
Греховную воду на мельницу лить?
Ведь рвётся душа, словно птица на волю,
А ей россиянин привык дорожить.
Понять это трудно, но Богом клянёмся,
Пусть даже и всуе, пусть даже во лжи,
Что Божьими чадами мы остаёмся,
Ведь врем мы во Имя, да так, что держись.
Что, скажешь, нет совести? Так уж ведётся:
Стыдом окружающих не удивить.
Но каждый, в ком стыд, со Христом остаётся.
Во имя надежды, во имя любви.

-2-

Чужая жизнь в мою вошла,
Без стука и без колебаний,
И душу дрожью обожгла
Огнём запутанных страданий.
От чувств людских не убежишь,
Земля пропитана их кровью.
И корни делают нажим,
Наверх выталкивая крону,
Чтобы до неба вознести
И замереть уже на годы.
И тайну жизни унести
В могилу смертной непогоды,
Давая людям свою тень,
Вливая силы в их усталость,
Быть тихим шумом новостей,
Порой дарующим нам радость.
А вместе с тем приходит боль.
Тот отклик выразить не смеешь,
Когда услышишь чей-то стон,
И в чью-то исповедь поверишь.
Поймешь, и хочется простить
Несовершенство человека
С его желанием любить
И прыгать в прошлое с разбега.
Закономерность в этом есть:

Душой оттаять в покаянье.
И целовать нательный крест
После минуты оправдания;
Без сил склонить чело в траву
И задохнуться от рыдания,
И долго падать в синеву,
Глазами щупая молчанье;
Покоем наполняя стон,
Скользнуть песчинкой в невесомость,
Чтоб обволакивала сном
Мир грез Вселенская бездонность.
Пусть это только краткий миг
С одним мгновением полёта,
Он возвращает память в мир
На круг падения и взлёта.
Всё снова обретает смысл,
В сознание проникают звуки.
И раздраженьем их не смыть —
Они назойливо упруги.
Но в них Божественной рукой
Соединилось всё живое.
А сердцу нужен лишь покой,
Согретый истинной благою.
И этот Божий дар в тиши
Разносят птичьи перезвоны,
Чтоб жар мятущейся души
Остыл под сенью Божьей кроны.

Земля вдыхает этот стыд
Тысячелетьями, веками,
И после зимней дремоты.
Цветёт весенними мазками.

-3-

Природа спит, над ней склонилась ночь,
Лишь соловей не требует покоя.
И звёздный взгляд в небесное окно
Тревожит чувства нашего героя.
Береза ждёт. Он к ней прижат спиной,
Волнением встревоженного тела.
Всё замерло, и воздух дышит сном,
И сердце, вздрогнув, вдруг остекленело.
И с выдохом забилося, как струна,
Освобождая нервное дыхание.
И поперхнулась брызгами волна
Его души под оком созерцанья.
И шорохом сорвались с губ слова:
«Остановись, мгновенье, ты прекрасно!
Жаль, что тебя стал реже узнавать:
Ты только тень, и к жизни безучастно.
А жизнь – она по-доброму щедра,
Давая отдых ищущим и грешным,
Привыкшим каяться и снова врать
В лицо за разговором безутешным».
Он вдруг умолк, услышав чей-то вздох.

Он точно знал: ему не показалось.
«Кто здесь ещё? Ну, что молчишь? Оглох?»
Берёза хмыкнула. А что ей оставалось?
«Я та, кому понятна твоя боль,
И у берёзы есть о чём подумать.
Ты стал душою чёрен, словно смоль,
Устав от одиночества и шума.
Ты жаждешь истины? Она проста.
Ты в поиске: тому залог – движение.
Пускай с пути ты сбился и устал,
Но побеждает воля и терпенье.
Ты любишь жизнь, и жизнью ты любим,
Так научись в себе не сомневаться.
Дари всё лучшее, что есть в тебе, другим –
Добро имеет свойство возвращаться.
Когда в страданиях помыслы чисты,
Всё тайное под небом станет явным.
И пусть мой голос слышишь только ты,
Ничто, поверь, не может быть случайным».

Он

Лежит собака на столе,
От операции отходит.
Ее хозяин, как во сне:
Застыл и глаз в неё не сводит.
Взять это тельце да прижать,
И застонать на всю Россию.
Но как-то надо обуздать
В груди душевную стихию.
Глаза открыла... Подошёл:
«Я здесь, я рядом, да взгляни же.
Всё будет очень хорошо.
Ну, не дрожи, родная, тише.
За что же, девочка моя,
Тебе такое наказание?
И как же тягостно стоять,
Томясь в нервном ожиданье.
А вот и врач. Ну, как она?»
«Ведет себя вполне достойно.
Наркоз ей дал немного сна,
На пользу ей, и вам спокойней».
Черпая силы в доброте,
Который год не умолкая,
Как дождь в сердечной тесноте,
Стучит привязанность мирская, –
К тому, кто ждет тебя домой,

Простит нежданную обиду,
Уткнувшись в ноги головой,
И не покажет даже вида;
Глазами выразит любовь,
Не попрекнёт и не осудит,
И пересилит свою боль,
Как иногда способны люди.
Врач протянул ему письмо:
«Не унывайте! Дело в вере.
Я сделал всё, что только смог,
Она поправиться. Уверен.
Лечитесь, а потом – ко мне.
Свою принцессу берегите,
А если что-то будет сней,
То на мобильник мне звоните».
«Пойдем, красавица, пора.
Спасибо, доктор, до свиданья».
Он взял собаку со стола,
А вместе с ней её страданья.
Он ей нащёптывал: «Прости», –
Едва оправившись от стресса.
И прижимал к своей груди
Всю нежность преданного сердца.

Бомж

Сегодня остался голодным,
Последнюю мелочь пропил.
Коль стал ты бомжарой негодным,
Так гордость развеивай в пыль.
Стеснительность – это вначале,
А после теряешь контроль.
По первости совесть кричала,
А дальше – похмельная боль.
Но ты же ведь справишься с этим,
Коль станешь о прошлом жалеть,
Когда без отца твои дети
Взрослеют под тяжестью лет?
Пустые слова – это подлость,
А в подлости меркнет мечта.
В отцовство врывается чёрствость,
А в памяти жжёт доброта.
Но ты же отец! Это свято.
Тебе подобает любить.
И в жизни тебе это надо,
Хоть ей не единожды бит.
Ан, веришь в последнюю искру,
Которая вспыхнет как сноп,
И, словно истлевший папирус,
Исчезнет с обугленным сном.

Возрождение

«Посмотри, сынок, на дядю.
Видишь? Грязный и вонючий.
Пробегают дрожь от взгляда,
А лицо серее тучи.
Чтоб зараза не пристала,
Подходить к нему не стоит.
А таких бомжей немало —
Они вечные изгой».
С губ слова сорвались сами,
В спину брошенные строго.
Бомж застыл, пожал плечами,
И пошёл своей дорогой.
«Опустился, не то слово!
Никому-то я не нужен.
Появился выпить повод —
Для бомжа достойный ужин.
А помыться всё же надо,
Приодеться на помойке.
Привести свой вид в порядок,
Коротая ночь на стройке.
От людей уйти подальше,
Скрыться с глаз от унижений.
Эх, напиться бы пораньше,
Да придаться в койке лени.

Все желания забыты,
Возраст к голоду привычен.
Лёг на плечи груз обиды, —
Но исчезло безразличье.

У храма

Холода растаяли в сугробах,
День и ночь вступили в равновесье.
Встретились друзья. Бомжуют оба.
Сколько лет не виделись! Мир тесен.
«Я пустой совсем... Отметить надо».
«Нет проблем. Сегодня я богатый.
Человек на милостыню падок,
Если ты хромой, слепой, горбатый.
Отмолю грехи – на то и церковь,
Получу от Господа прощенье.
И пускай прикинусь я калекой,
В жалости найдётся утешенье.
Нам людей обманывать не трудно:
Гордость – грех, а попрошайничество –
честность.
Главное, просить, где многолюдно.
Низость оправдает откровенность».
Крепко выпив, славно закусили.
Рассказать хотелось всё и сразу.
Пьяными словами зацепились:
«Слушай, ты».
«Заткнись! Смешаю с грязью».
Увлеклись обидами своими,
Кулаком взбодрив воспоминанья.

И расстались грешники чужими,
Не сказав друг другу «до свиданья».
...Свою трезвость уступив «стограммам»,
Каждый день листая чьи-то тени,
Мутный взор души направив к храму,
Пьяный бомж молился на коленях.

Камень преткновения

-1-

На камень сядь и отдохни, прохожий.
Уставшему он облегчает путь.
Он мысли ни за что не потревожит,
И даже, если вздумаешь вздремнуть.
Прошел бы мимо, да крепка усталость,
А он лежит и манит, и зовёт
Расслабить ноги, телу дав ту малость,
Что вновь заставит двигаться вперёд.
Не отмахнуться, если в теле слабость.
Как сложно жить и как легко устать:
Принять в себя полуденную вялость,
И мысль о вечном всеу потерять.
Зато свиданье будет долгожданным
С тем трепетным, в котором бьется жизнь.
И отдых вдруг окажется желанным,
Когда любовь сотрёт все миражи.

-2-

Забудь о камне,
Вспомнив ярость женщин.
Смири желанье,
Если всеу грешен.
А если скажут:
«Я тебя прощаю», —

Твой срыв не важен,
Важно: «Обещаю!»
Ведь ты же врёшь,
Хоть свято веришь в это.
Она-то – в рёв,
А ты витаешь где-то.
Умерив пыл,
Не потеряв сомненье,
Развеешь в пыль
Свой грех,
Как наважденье.

-3-

Я камень – в землю врос давным-давно.
Дорога вдаль бежит, но также неподвижна.
Она жива для тех, кому дано,
А про меня напоминать излишне.
Я здесь, чтоб скинуть часть людских проблем,
Любой на мне переведёт дыханье.
Я разделю груз сплетен и дилемм,
Любовный пыл и женское молчанье –
Немой свидетель беспокойных душ,
Что тянутся ко мне дорогой жизни,
Держа свой путь от радости к стыду,
А от стыда к любовной укоризне.
Впитал в себя я взлёты и позор,
И счастье, что так щедро дарят люди.

Моё молчанье – чуточку укор,
Но никогда он все не осудит
Тех, кто дыханьем женщины согрет,
Вытягивая свой любовный невод.
Ведь сердце предназначено гореть,
Как тот костер, который смотрит в небо.

Тайна Москвы

В Москве завьюжило, метёт,
В столице хлопотно и скучно.
За Новым годом неотлучно
Зима отправилась в поход.
И стало всё белым-бело:
Проспекты, улицы, бульвары.
И после ночи тротуары
Ещё сильнее замело.
Освободившись от забот,
Поддавшись слабости минутной,
Спешу туда, где многолюдно,
И где меня никто не ждёт,
Чтоб появится в тех местах,
Где только можно оказаться.
По магазинам пробежаться,
И отстоять в очередях.
У тех, кто здесь нашёл приют,
Сосредоточенные лица.
И за прилавком продавщицы,
Свои товары раздают.
Кому-то брошенный упрёк
Порой перерастает в споры
О вечном городе, который,
Исхожен вдоль и поперёк.

В своём стремлении привычном
Быть непременно на виду,
Москва скрывает доброту
За равнодушием столичным.

Дождь-задира

Сыпет сочным виноградом
Теплый дождь, да в перехлѣст.
Угрожает даже градом,
То ли в шутку, то ль всерьѣз.
Створкой листья задевая,
В приоткрытое окно
Я смотрю, не отрываясь,
Черно-белое кино.
Ну, а дождь не унимался,
Пацанам устроив душ.
И с усердием врезался,
В зеркала дворовых луж.
Вот, сосед не испугался,
Смело вышел под зонтом.
Дождь слегка разволновался,
И вернул беднягу в дом.
Под конец не удержался,
Распугал всех сорванцов.
Поняв, что перестарался,
Присмирел и – был таков.
А по небу плыл кораблик,
Подставляя грудь ветрам.
По стеклу катились капли,
Как слезинки по щекам.

Перед исповедью

Купола через века
Смотрят горделиво.
Вознеслись под облака
Людям всем на диво.
К церкви тянется народ,
Чтобы причаститься,
Оторвавшись от забот,
Богу помолится.
Перезвон колоколов
Ждёт душа тревожно.
Откреститься от грехов
Просто – не возможно.
Но у каждого в глазах
Теплится надежда,
Что уже не на словах
Будет всё, как прежде.
В кепку брошена слеза,
Напрягая связки,
Что-то хочет мне сказать
Инвалид в коляске.
Звон взлетает над душой,
Набирает силу.
Я на исповедь пришёл,
Как и вся Россия.

Прерванный полёт

Сорвался лист и полетел,
Один из листопадных братьев.
А я задумчиво смотрел,
Как осень примеряет платье.
Лист всё кружился и летел.
К себе приблизиться заставил.
Но всё равно я не успел
Ему свою ладонь подставить.
А он, устав от непогод,
В последний раз перевернулся,
Прервав недолгий свой полет,
Когда щекой земли коснулся.

Святая соль

Недаром людям выбор дан
От первой подлости подростков.
И рвется в ужасе обман
На серо-белую полоску.
Чужие слезы – лишь вода.
Но соль, как истину простую,
Бог собирал везде, всегда,
И превращал её в святую.
И душ наполнив родники,
Взлелеяв таинство рожденья,
Вдохнул в безгрешные ростки.
Тепло людского уваженья.
Зло – порождение греха,
Но жизни нет без искушений.
И толку попусту вздыхать,
Ища тропинку к утешенью?
И что же дальше? Во грехе
Ты вынул истину из праха.
Оставив пот свой на сохе,
Предстал пред Господом без страха.
Батый святую Русь пленил,
Но в святость русскую поверил,
Гордеев узел разрубил,
Наш путь столетьями измерил.

Но пролилась дождем война.
И, в вечном небе задыхаясь,
Явилась миру тишина,
Из праха к жизни пробуждаясь.

Будни быта

В холодильнике мышка повесилась,
Хоть сто раз ты в него загляни.
На душе стало сразу так весело:
С аппетитом не будет возни.
Разносолы, увы, отменяются –
Мужика согревает любовь.
Пусть же женщина вновь распыляется,
Не жалея ни жестов, ни слов.
Мой желудок любви не стесняется,
Даже если в нем что-то урчит.
А чаёк за еду не считается,
За него голова не болит.
Эх, сейчас бы в охотку селедочку!
Не судьба червячка заморить.
Мышка мышкой, а зубки на полочку
Мне со вздохом пришлось положить.

Мысль поэта

Неудачи, словно мухи,
В дом наведались всерьёз.
Но не дремлет сила духа,
Не дает повесить нос.
Есть возможность в ожиданье,
Половицами скрепя,
Обратить своё вниманье
На забытого себя.
Каждодневно жив молитвой —
Вера в Господа крепка.
Путь поэта незавидный,
Но — как мысль порой легка!

Не нарочно

Студеный ветер бьет по веткам,
Как волны бьются о причал.
И в гневе дождевая сетка
Прохожих ловит сгоряча.
Промозглость кажется бессрочной...
Вот, если б чуточку тепла.
Но ведь и осень не нарочно
С деревьев листья сорвала.

Постижение

Не могу сказать: «Могу!»
Не могу, а надо.
Вся душа моя в снегу
После листопада.
Я и сам признаться рад
Сквозь глухую прозу,
Что словесный снегопад
Губы мне морозит.
Открестилась от невзгод
Боль рябиной спелой.
Снег не сразу, но сойдет,
Согреваясь верой.
Пусть же Божью Благодать,
Постигают люди.
Научившийся прощать,
Да прощенным будет.

Вздых

«Дальше – смерть. Я отщепенец, я не нужен».
Так на лавочке сказал мне старый бомж.
Был мой вздох его смирением разбужен,
Человеком, потерявшим отчий дом.
Что тревожило его, какая рана?
У молчания есть вечная мозоль –
Пустота осиротевшего кармана
И в сомнениях истерзанная боль.
Он Есенина вдруг вспомнил, взгляд проснулся,
И улыбка осветила его страх.
Задыхаясь, он к прекрасному тянулся,
И Россия ожила в его устах.
Голос взмыл, представ пред вечностью в
исподнем,
И растаял от дыхания машин.
Бомж поднялся и в смирении Господнем
На прощание обжог кивком души.

Божья пашня

Осень, снега дожидаясь,
Не стучит дождем по окнам.
А они, не раскрываясь,
В ряд расставлены по полкам,
Корешками поэтажно,
Пригвожденные наружу.
А за ними жить не страшно
Даже в снах февральской стужи.
Бытовые небылицы
Лягут ссорой без обмана
На оконные страницы
Настоящего романа.
Для свиданья снег – отрада:
Закружится над столицей
И тихонько будет падать
На балконные ресницы.
Ночь зевотой просочиться
Сквозь порожние карманы.
До утра утомониться
Продолжение романа.
Сдвинет шторы, свет погасит
И уложит спать ребенка.
А затем прогулку скрасит
Разговорами в потемках.
По асфальтовой полоске
Возвращение отложит

И по улицам московским
В новый день маршрут проложит.
Все дома давно знакомы —
Это место Божьей пашни,
Ведь оконные проемы
Берегут очаг домашний.

Остров поэта

Я поэт. Это слово далось мне не просто,
Подхватив мою душу течением лет.
Мировой океан вдруг забросил на остров,
Где есть даже талант, а вот имени нет.
Справедливо ли то, что я там оказался?
До конца это знать я ещё не могу.
Я там есть, и со словом своим не расстался,
Я рожден для него и его берегу.
Я немало увидел, но мало, что знаю.
Эта самая малость далась нелегко.
Я раскидывал камни, теперь собираю:
Остается в раздумье понять: для чего?
Для чего этот голос звучит во вселенной,
Вопрошая в молитве прощенье грехов?
Может быть для того, чтоб понять
повседневность?..
Моя жизнь состоит из ненайденных строф.
Может быть... А пока заселяю свой остров,
В меру творческих сил соблюдая масштаб.
Но какая же мука – почувствовать остро,
Что мой голос поэта воистину слаб.
В мировом океане масштаб несравнимый
С моей скромной персоной... И всё же поэт
Остается творцом, к не удачам терпимый,
Ведь для веры его невозможного нет.

Они и мы

Да какие там сугробы?
Обозначились и всё.
А вот снежный бунт Европы –
Посерьёзней новосёл.
Он пришел, его не ждали,
Не готовились к нему.
Даже рядом не стояли,
Чтоб прикинуть, что к чему.
Прямо горе с этой темой,
Всё когда-то в первый раз.
Озаботились проблемой
Адаптации для масс.
Дом, конечно, это крепость,
Но природный катаклизм
Пробуждает в людях смелость,
Но никак не оптимизм.
«Смелость...». Слово-то какое!
В нём и мужество, и страх.
И желанье снеговое –
Катаклизм держать в руках,
Да и кинуть им в кого-то,
Если к этому привык.
А вот, если непогода
Вдруг набросилась, как бык,
На не ведающих вовсе,
Что такое оптимизм,

Тут же их под корень скосит
Их нерусский организм.
Для России это норма –
В ней не слабый многолюд:
Постоянно держит форму
Под напором снежных блюд.
У него проблем хватает,
Кроме собственных забот.
Выпал снег, а к ночи тает,
А на утро – гололёд.
Не успеешь оглянуться,
То мороз, то дождь стеной,
То ветра в лицо упрутся.
А завьюжит... Не в первой!
Был бы снег, да чтоб побольше,
Да под солнышко мороз.
На такой-то день погожий,
На Руси особый спрос.
Да ещё на разговоры...
Не идет из головы,
Как своё-чужое горе
Заставляет волком выть.
Не бывает в жизни гладко, –
Подтвердит любой эксперт...
Может быть у нас не сладко,
Но дороже дома нет.

Сосед по коммуналке

На кухне вертится сосед,
С утра с духовки глаз не сводит.
А это значит, на обед
Он что-то вкусное готовит.
И вроде, кажется, пустяк:
Меж двух профессий заплутался.
Ему бы поворской колпак,
А он в охранники подался.
Штурмует «женский батальон»,
Жену, а так же двоих дочек.
Хоть в меньшинстве по жизни он,
Сдавать позиции не хочет.
Утихомирился скандал,
Но напряжение не спадает.
И пусть обида – что запал,
Нас коммуналка примиряет.
Он боль свою мне одолжил,
Душевно так, без предисловий.
А значит, временно ожил
И что-то вкусное сготовил.
Пойму ли я, что он хотел
Сказать за нашим разговором?
Похоже, сам я б не стерпел
На кухне женские укоры.

Мне он по дружбе предложил
Махнуть чуть-чуть под настроенье...
В заботах дочек закружил
И с ними делает пельмени.
А вот с женою не нашёл
Контакта, потому и злится.
Её он любит всей душой,
Но знаю: сора повторится.
Дай Бог терпения ему
И всем, кто в «женском батальоне».
Не оплошать бы самому,
Как он, в нетрезвом «закидоне».
Но вызывает интерес,
Что в двух профессиях важнее:
Колпак или мужская честь?
Он выбрал... Что ж, ему виднее.
Увы, я в этом не знаток.
У каждого свой личный норов.
В мужской чести он видит толк,
Хоть по призванию всё же – повар.

Отец и дочь

Захлопнулась входная дверь,
Вернулась с улицы Наташка.
Вполне хороший человек –
Двадцатилетняя милашка.
Немного ветрена она,
Но да простит ей Бог кокетство.
При всём, при том, она умна,
Хоть до сих пор играет в детство.
А женихи, как тот медведь,
Весьма охочие до мёда.
Им бы науки одолеть,
Но похотливость – зов природы.
Сметут условности к чертям,
А ведь по классике хотелось:
Чтобы кольцо... и в Амстердам.
А тут – Москва, облом и ревность.
Ей бы в украинскую жизнь,
Ведь корни тянутся оттуда.
Но где теперь социализм?
Разбился в миг, как та посуда.
В детей мы «втюхиваем» смысл
Всего премудрыми словами.
Хотим, чтоб думали как мы,
Но до чего дожили сами?

Само понятие: «Любить!» –
Им преподносим, как мечталось.
Любовь ведь принято дарить,
Пока в грехах не затерялась.
Я, может, с выводом не прав:
Всё постигается в сравненье.
Наталье – время до забав,
Родным – сплошное потрясенье.
Я, видит Бог, ей не судья!
Но вот с отцом другое дело,
Ведь для него она – дитя.
С ремнем справляется умело.
Как перетянет вдоль хребта,
Какое там «беги, кто может!»
А не сумела: «Подь сюда», –
Тут отговорка не поможет.
Он пресекает на корню
Любой скандал, любую ссору.
Бывает зол сто раз на дню,
Семью блюдет и ей опора.
А вот с Наташкой – просто смерть!
Ей обмануть – как те «два пальца...»
На батю лучше не смотреть:
Такая ярость у страдальца.
Её спасает лишь одно –
Учеба в Горном институте.
Ну, прям, как старое кино:
«Из коммуналки – сразу «в люди»».

И то сказать: сколь ни живи,
Халупа эта надоела.
Но разве этим удивишь?
Вот новоселье — это дело.
К словам прилипла, что репей,
Но коммуналка как подруга:
Растим в ней собственных детей,
И примеряемся друг к другу.

Чёрно-белое

О чём задумались глаза,
С чужими взглядами встречаясь,
Между прохожими скользя
И в расстоянья упираясь?
Я в них смотрю, как на экран,
Чтобы увидеть человека,
В котором правда и обман
Смешались под влияньем века.
Я в вечном поиске его,
А он, застряв в социализме,
Сравненье ищет для всего,
Чтоб разобраться в смысле жизни.
Жизнь – словно старое кино:
Её свобода в чёрно-белом
Играла с нами в домино
В хмельном угаре между делом.
И, проиграв своё нутро,
Переворачивала фишки,
Как мы в заполненном метро
Под стук колёс страницы книжки.
Страницы собственной судьбы.
И с жадой правды между строчек
Перебираем, как грибы,
Воспоминания до точки.

О чём задумались глаза,
Переживая настроенья,
Как пробуждение – роса
Пред неизбежностью паденья
Поверх дрожащего листа
В объятьях нового столетья,
В котором буйно разметал
Цветную пыль свободный ветер?
Он заворачивал в туман
Людскую боль в цветных экранах,
Чтоб, претендуя на обман,
Осесть валютою в карманах.
С годами ищущий ответ
С чужою правдой примирится,
Ведь черно-белый силуэт
В цветную жизнь не возвратится.

Слияние

Терзая чувства грешностью,
Не спрячешься за внешностью.
От внешности до грешности –
Февральский холод честности.
Не спрячешь стыд непрошенный,
В лицо обманом брошенный.
Тернист у каждой повести
Забывтый путь до совести.
Меняются решения
Гримасой отражения,
Готовя извинения
Для нового общения.
И внешне всё уладится,
А трещина останется.
Но эта боль не вечная,
Поскольку человеческая.
От жалости встревожено,
Советчицей непрошенной,
Душа рванёт из грешности
И станет равной внешности.

Звёзды в лужах

Мы смотрим в лужи, как они дрожат,
Вгоняя своё черное нутро
В асфальтный сон, чтоб только удержать
Молчанье звёзд, похожее на гром.
Молчанье их томит молчанье глаз,
Растроганных опавшею листвою
Мерцанием холодного тепла,
Бездушного, как автомата ствол.
Глаза людей, стирающие тень
От трепета встревоженных морщин,
Прикованы в зеркальной пустоте
К сознанию остроконечных льдин,
Внушающих разгадку бытия,
Берущую начало в простоте.
Но звёзды, правду Вечности тая,
Застыли отражением в воде.
И в недрах почерневшей синевы,
Как штора, раздвигая пелену,
Нечаянным наклоном головы
Они глядят в иную глубину.
Они хотят хотя бы сохранить
Загадку, что вовек не разрешить:
Что означает эта скомканная нить —
Разбуженная замкнутость души?

Русская тройка

Воронные-воронные,
Тройка огненных коней.
Как взмахнул кнутом, поныне
Не угонишься за ней.
Понесли по снегу птицей,
Только пыль из-под копыт.
Небосвод, зашторив ситцем,
Утро зимнее спешит.
Приуныли недотроги,
Нарезвившиеся всласть.
Сбились милые с дороги.
Лишь бы вовсе не пропасть!
Ветер выскочил из леса,
Подгоняет ямщика.
Издевается повеса,
Звонко хлещет по щекам.
Вон пригорок, речка, ельник...
Вместе с песней молодца
Смолк залиvistый бубенчик –
Кони встали у крыльца.

Закон притяженья

Куда ведет поэзия меня,
В какие неизвестные глубины,
Из прихоти сердечного огня
Кидая на душевные стремнины?
Жалею ли, что любопытства дар
С рождения будил воображенье,
Чтоб детский взгляд разумно сочетал
Полёт души с законом притяженья?
Я в непонятном превращаюсь в слух,
Молчаньем выражаю благодарность,
И чувством перехватывает дух
Родная среднерусская реальность.
Всё больше подчиняясь ремеслу,
В попытке дотянуться до истоков
Я погружаю в бездну жизни слух,
Взволнованный её манящим оком.
И, как охотник, потерявший след,
Ищу невоплощенную идею.
В семейном ожидании проблем
Воистину безжалостно взрослою.
Мелькают календарные листы
Из года в год в процессе обучения,
Переплетая сложное с простым,
Чтоб оправдать моё предназначенье.
Пред искушеньем трудно устоять,

Но, уважая чьё-то превосходство,
В желанье необъятное объять
Впитал в себя недетское упорство,
Похоже, с материнским молоком.
С присущим любопытством от рожденья,
В поэзию гляжу, как в микроскоп,
Вступив на путь закона притяженья.

В плену чужой любви

(Из раннего творчества)

Станционный смотритель

Снова падала осень проливным листопадом...
Только листья не тают: занесло снегопадом.
Золотые гирлянды похоронены в прелость
Обжигающим снегом, набирающим смелость.
Весь из звёздного пуха, он ещё слишком молод,
Ослепительно белый, замурованный холод...
Станционный смотритель стоит без движения,
Обречённый смотреть только в двух
направлениях.
День встречается с ночью в точке пересечения.
Их двенадцать, залетных, что несут
развлеченья,
Увозя с собой почту в горловину событий.
Где хранит свою осень станционный
смотритель?
День уносится рысью, «во вчера» пропадая.
Ночь торопится «в завтра», чёрный след замата,
Ну, а люди проснутся в наступившем сегодня,
Раздающим надежды и милость Господню.

Божественная мысль

Не говори о том, что не сбылось,
Напрасно не буди воспоминанья.
Мы так близки, но чувство улеглось,
Согретое своим очарованьем.
Усталый жест и холодность в словах
Рождают тень немого состраданья.
Я виноват, но, искушая страх,
Так искренне желаю обладанья.
И, предвкушая, обретаю смысл
В, казалось бы, бессмысленном терпенье.
О! Дай мне, Бог, Божественную мысль:
И в нём искать хоть искру вдохновенья.

Черта

Незаметно меняя себя,
Постепенно становишься страхом,
Свою совесть грехами дробя,
Чтобы в пепел и в пыль — одним махом.
Оказаться у самой черты,
А за ней от всего отказаться
В истерии своей правоты,
Научившись её не стесняться,
Как до снега своей наготы
Не стесняется поздняя осень.
Ветер был беспощаден и стыл,
Он на землю наряд её бросил.
Вместе с ней и моя правота
Утонула в прощении близких.
И молчанья коснулись уста,
Словно окна небесные брызги.
От чего же на сердце легко,
Так легко, что становится больно?
Прикоснуться б горячей щекой
К наготе, даже, если невольно.
Даже, если невольно прозрел,
Исчерпав даже страх испугаться,
Обретя то, чего не имел.
А имея, дай Бог, не сломаться.

Покаянная пьянка

Нам всё кажется, жизнь наладится,
Перемелется, устаканится.
Видно, время пришло покаяться,
А потом, как всегда, остаканится.
Слезы горькие, как положено,
Вдруг прольются из глаз непрошено.
И, пугая себя неизвестностью,
Насыщаемся откровенностью.
Раздвигая границы грешности,
Собираем крупички честности.
С ложью варим в котле усталости,
Добавляя сто грамм для храбрости.
И клянёмся друг другу в верности.
Может быть, из житейской вредности,
Обязательно скажем лишнего,
Не щадя ни себя, ни ближнего.
А потом всё пройдёт, как и не было,
Что ж ты, пьянка, с друзьями сделала?
Сколько грязи на совесть вылили?
Отдохнули...

Хотя и выпили.

Гении и Бог

Остался пепел там, где мы сидели
Без всяких ожидаемых причин,
Как некогда у Моцарта с Сальери –
У этих музыкальных величин,
Что даже через многие столетия,
Даруют миру творческий процесс.
И тает, словно пепел в сигарете,
Трагизмом разожжённый интерес.
С годами растворяясь в небылицах,
История, сокрытая в вине,
Сгорает недописанной страницей,
Рассыпанная пеплом на столе.
Холодная, чернеющая память,
Блуждающая взглядом в темноте,
Нырнувшая в завистливое пламя,
Повинная в предсмертной хрипоте,
Невольно ставшей темой разговора,
В догадках, не имеющих границ,
Костром тревожа сон ночного бора,
Скрывается в морщинах вечных лиц.
Мы встретились, как некогда мечталось,
Заложниками творческих причин...
Остался пепел и зола осталась.
Но это пепел Божьих величин!

Вокзал

Душа Вокзала – это жизнь
Сиюминутного волненья,
Объединившего движенья
В людской единый организм.
В нем чувства хлещут через край,
За миг меняя настроенье,
Но не влияют на решенья
Приобретений и утрат.
Перед Вокзалом все равны:
Простолюдин или политик,
Певец, философ или критик –
Все обращения на «Вы».
Здесь нет начальственных особ,
Нет подчиненного начала.
Здесь всех толпа перемешала
В вокзальном хоре голосов.
Толпа, сверлящая табло
В нетерпеливом ожиданье,
В преддверье встречи и прощанья
Не прекращает монолог.
Ей дела нет ни до кого:
Ни до того, кто процветает,
С больших трибун «очки втирает»,
Во имя блага своего;

Ни до того, кто не страшась,
Своих людей в беде бросает,
Когда к костюму примеряет
Пусть даже маленькую власть.
Но дело есть до багажа –
К нему особое вниманье,
Им даже в зале ожидания,
Как урожаем, дорожат.
К платформе поезд подошёл,
Опять посадку объявили.
И руки сумки подхватили –
Вопрос с отбытием решён.
Сведя сомнения «на нет»,
Певец философ или критик,
Простолюдин или политик
Готовят паспорт и билет.
И проводнице подают –
Удостоверить свою личность.
А ей, трудяге, безразлично,
Как пассажиры их живут.
Достаток в доме иль нужда
В семейной жизни – всё едино.
Одним уют, другим рутина,
Кому любовь, кому вражда.
Смешенье жизненных страниц...
И это равенство сближает,
И судьбы вместе собирает
Под беглым взглядом проводниц.

Их труд – внимание уделить,
На все вопросы отвечая,
И неизменно предлагая
Нам чай и кофе за рубли.
Вагон, свободный от притворств,
Объединяет нас, как в Храме,
Где Бог всех делает друзьями,
Даруя повод для знакомств.

Пьянка по-русски

В шкафу хранится «крайний случай»,
И ждет, когда наступит край.
Но обойди его ты лучше
И в поддавки с ним не играй.
По крайней мере, справедливо,
Что этот «случай» не пропит.
Без денег на душе тоскливо,
А он в коробочке лежит.
И смотрит денежной купюрой
В глаза страдальца снизу вверх.
И в руки просится натурой...
Я по натуре не из тех,
Кто беспробуден в дни попоек
В своем стремлении кутить.
Кутить – кутишь, да привкус горек,
Но пьёшь, пока на что есть пить.
А водка-то – она ядрёна,
И льется в горло неспеша,
Пока субстанцией палённой
Не насыщается душа.
Нужду справляешь, где придётся,
И думаешь: «Пора домой».
И, кажется, всё обойдётся.
А обойдётся не с тобой.

Не обойдѣт тебя расплата,
Раз в долг «накушаться» ты смог.
Здесь как в игре: как ляжет карта...
Но всё в конце решает Бог.

Долг

Моя душа как шар на шаре населенья,
А это значит – жизнь, и эта жизнь во мне,
Дарящая с плеча, как шубу, вдохновенье,
Привыкшая к тому, чтоб помнили о ней.
Она стучится в мысль, когда тебе паршиво.
Слетает с языка лирической тоской.
И ждёт, чтоб я прозрел, внушая терпеливо
Фантазии свои. А пользы никакой.
Прозрение моё, как разряжённый воздух:
Им хочется дышать, а дышится с трудом.
Но без него – никак, тому порукой возраст.
Реальность эта – миг, а с ней я – со щитом.
Я жил десятки лет, чтобы понять однажды:
Насколько был я слеп, не заглянув в себя.
Дом строил в облаках из кубиков бумажных,
Плёл крышу из цветов, волнением объят.
Но оказался дом иллюзией вчерашней,
Как только на него попал ушат воды.
Я долго был в плену фантазии бумажной –
Дорога в никуда растаяла, как дым.
Я свой венок расплел, цветы поставил в вазу,
У памяти своей по-прежнему в долгу.
И пусть пытливый ум едва наметил фразу,
Я лучшее в себе для Бога сберегу.

Подмена

Какая мерзкая погода!
Как из ведра с утра льёт дождь,
И возмущается дремота:
«Зачем вскочил? Куда идёшь?».
«Вскочил... Не видишь? Одеваюсь.
Ведь у собаки свой режим.
Пойду, умоюсь, отсморкаюсь,
И в дождь промозглый поспешим.
Зачем собаку долго мучить?
Но самый веский аргумент:
Такое может отчебучить –
Всё сразу и в один момент.
Скажу по правде: мне не нужно
В своей квартире нюхать вонь.
А если к ней прибавить лужу –
Прошу прощения, уволь...
Пускай щенком на рынке птичьём
Случайно приобретена
Собачка в образе девичьем,
Она, как дочка, мне нужна.

Критическая точка

Дальше чем-то надо жить.
Только, чем? Пора решить.
А к решению такому
Головенку приложить.
Ну, а в ней, само собой,
Нет мыслишки ни одной.
Скоро буря разразится, —
Её чувствую спиной.
А спина в такой момент —
Мой последний аргумент.
Пусть глаза её буравят,
Все равно там денег нет.
Крикнуть я готов в сердцах,
Что остался «на бабах».
Видно жизнь такая штука,
Отчего теряешь страх.

Раньше и сейчас

Вот раньше праздник – так уж праздник.
Так и готовились к нему.
Бывало, глянешь в свой «загашник»:
Почти всё есть, всё по уму.
Но, если только не разиня
И дорог твой семейный быт,
Рублём штурмуешь магазины,
Приобретая дефицит.
В очередях стоишь часами,
А временами сразу в двух.
И эта практика годами
Твой стимулировала дух.
Сам праздник – это остановка,
Венец стараний, так сказать.
Всё дело было в подготовке,
Суливший праздничный азарт.
Прошли мы нищенские «мели»,
Жить стали лучше, но сейчас,
Чем больше мы всего имеем,
Тем меньше праздников у нас.

Скверик любви

От лавочки до лавочки
По скверику пройдёшь.
Весь день мелькают парочки –
Гуляет молодёжь.
И словно соревнуются
В объятиях своих,
Кто больше поцелуется.
Да кто ж тут устоит?
Такие вот мгновения
Я искренне люблю –
Без всякого сомнения,
Как другу, уступлю
Желанью непреклонному:
Хотя бы раз в году
По скверику влюбленному
С супругою пройду.

Шарики

Будто бы фонарики –
Надувные шарики.
К вечеру надуются,
С ветками целуются.
Как на утро дворники,
Прячутся во дворике.
Ночи не пугаются.
В желтизне купаются.
Взглядами колючими
Вниз смотреть приучены.
Не заснуть стараются...
Людам это нравится.

Осень-целительница

В жилах листьев осень потекла
И в лицо повеяла прохлада.
Тело нежно зыбкость обняла,
И в груди от вздохов тесновато.
Мысли спят, застряли в голове,
Как в земле расплющенные капли.
Я иду неспешно по траве
И мыском ноги цепляю камни.
Я брожу по скверикам пустым,
Просто, без надежд и без сомнений,
Без проблем, без цели, без мечты.
Проще – без семейных отношений.
Я судьбы не знаю наперёд,
И молюсь восходам и закатам...
Осень мою боль перечеркнёт
Золотистым бабьим листопадом.

Моё второе «Я»

Приди ко мне, поговорим,
Моё тайное второе «Я».
Что смущаешься? Да, раним
Я в отличие от тебя.
Намекаешь: «Раскис, как баба,
У тебя, мол, и комплексов тьма.
В свои силы ты веришь слабо,
В твоей жизни – один обман».
Плачь, душа! В ней скребутся кошки,
Обросла паутиной чувств.
Я у скуки своей в ладошке.
Ты считаешь, что это чушь?
Мы с тобой не привыкли мешкать,
Денег мало? Брось! Пустяки.
Ты знакомых ведешь в кафешку,
Я с друзьями – на шашлыки.
Ну, чего тебе не хватает?
Может, хочется отдохнуть?
Труд здоровья не прибавляет,
Если он – нелюбимый труд.
Как добиться нам компромисса?
Ну, чего ты молчишь, оглох?
Что ж ты хмурен, дитя каприза?
Или может язык отсох?..
Что я ною? Одни вопросы,

А с ответами не ахти.
Заплати государству взносы
И налоги все. Ассорти
В самый раз для семейной жизни.
А в заначке один лишь «пшик».
Смотрит жёнушка в укоризне.
Сигарета одна. Привык.
Стал философом ближе к ночи
И смакую мысли про смерть.
На тебя не хватает мочи,
Так давай на луну смотреть.
Пусть полтинник мы разменяли –
В одном теле переживём.
Ты увереннее с годами,
Я же прежний. Но мы – вдвоём.
Что молчишь? Не моя забота?
Спи, чего уж там?.. Я пойму.
Ведь тебе предстоит работать,
Чтоб я мог прокормить семью.

На утро

Как часто трудно вспоминать,
Когда ты ничего не помнишь.
А голова, ни дать-ни взять,
Чугун, и это не оспоришь.
Её ведь надо подбодрить,
Ну, для начала хоть рассолом.
Чтоб в горле жажду утолить
Пред надвигающейся ссорой.
Какая ругань? Что за бред?
Ну, провинился, так уж вышло.
А что орал?.. Так, то навет.
Ну, да, хватил намердни лишку.
Зато галантность не отнять:
Какие женщины встречались!
Ну, вам, замужним, не понять,
Но флиртовать не собирались.
Здесь женский фактор ни причём,
В кармане денег кот наплакал.
Зато в гортань водой течёт
«Охота»*, – крепкая, собака!
Нам не хватало перемен,
Расслабились вполне серьёзно.
А если нет на опохмел,
Теперь раскаиваться поздно.

*«Охота» – сорт крепкого пива

Сам хорош!

Всё сам да сам, а сам-то спёкся.
«Трещал», как пьяная кума,
И демагогией увлёкся...
А мне бы чуточку ума.
Но хоть бы раз жену послушать,
Ну, и услышать, наконец.
Вчера был трезвый, даже кушал.
Сегодня пьяненький, стервец.
Скандал устроил. Вот, скотина!
Досталось сыну и жене.
Скакал по дому балериной,
И оклемался не вполне.
Ох, доняла меня обида,
По нервам бьет исподтишка.
Щетина колется, не брита,
И, как назло, болит башка.
Стошнило, к дереву прижался,
От солнца спрятавшись в тени.
Ведь сам желанию поддался.
А водка... ей не до семьи.
Сшибает с ног кого угодно,
Но ей проблемы не зальёшь.
Зато ругался принародно...
Всё сам да сам, а сам хорош!

Жизнь-театр

Бывало, вырвавшись из стен,
Мы на спектакль торопились.
Был нестерпим домашний плен,
Его привычная постылость.
Взрослели, словно на дрожжах,
И в том, казалось, наша сила.
Любили «предкам» возражать, –
Непонимание бесило.
Ну, сколько можно слушать вздор
И жить неделю обещаньем,
Как пробка, выскочив во двор?
Но вот, поди ж ты, их прощаем...
В семейных суетных делах
Забыты помыслы благие.
Копейка душу обожгла,
И стали мы совсем другие.
А на спектакль не спешим,
У нас иные интересы.
И вечно чем-то дорожим
В руках излюбленного стресса.
Невмоготу молчать? Изволь...
Друг друга злим, поддавшись крику.
Слова бросаем в разговор,
Как строчки в жалобную книгу.

Нам щедро дарит свою боль
Порыв – души инициатор.
И каждый знает свою роль...
В театре – жизнь, а жизнь – театр.

Пророческий ветерок

Нету даже дуновенья,
А не то, что ветерка.
Жду другого продолженья,
Озадаченный слегка —
Озадаченной разлукой.
Но и ей не по себе:
Разлучив меня с подругой,
Не заполнила пробел.
Видно, просто приглянулся,
И, наверно, неспроста,
Я в спиртное окунулся:
«Прочь пошла! Да будет так».
Будет так, как это будет, —
Встрепенётся ветерок
И в душе любовь разбудит,
Как предсказывал пророк.

Московский дух

Москва меняется, и я меняюсь тоже.
Всё разрастается, а я вот не расту.
Москва не старится – с годами всё моложе,
И я с ней общего труднее нахожу.
Здесь всё привычное, как в доме обстановка,
И жизнь приличная, но мне не до неё.
Нужны наличные, а в них скандал и водка.
Но есть и личное, – столичное враньё.
Им все напичканы, на нём взрослеют дети,
Самокритичные, но как-то не всерьёз.
Дела ж семейные – сумею гостей приветить,
А хлебосольство для хозяев – не вопрос.
Зато общение – достойная награда,
Мир полон сплетнями, ведь каждый – о своём.
«Уже устроился? Хорошая зарплата?»
«Да вот, всё думаю... Попозже перетрём».
Тепло расстанемся, увидимся не скоро.
Всё вроде некогда, какие-то дела.
Чуть что – ругаемся, и неизбежны ссоры.
Глядь, а Престольная уже белым бела.
Полгода мучились, а длилось как мгновенье,
И что-то вспомнится, но вспомнится потом.
Надежда теплится – в душе оцепененье.
Дни пробуждения – под снеговым пластом.

Не избалованы московскую погодой,
Сегодня слякотно, а завтра холода.
Темнеет засветло, а я в ночи глубокой
Рождён был матерью, чтоб сыну передать
Любовь московскую к дворам и подворотням,
К церковным праздникам, хоть я в них не силён.
Но главное – пред образом Господним
Московский дух по-прежнему склонён.

Деревья

Спасибо вам, мои деревья.
Я рядом с вами молчалив.
Для нужных слов найдётся время,
А нынче – не велеречив.
Вы знаете мои секреты
И шепчетесь между собой.
А молчаливые ответы
Узнает кто-нибудь другой.
И я его люблю до дрожи:
Он, как и я, рисует жизнь.
И пусть мы внешне не похожи,
Хотим доверье заслужить.
Одним желанием – услышать,
Другим – коснуться вас рукой,
И из себя по капле выжать,
Свой молчаливый непокой.

Последний трамвай

Как пойдёшь, как шагнёшь —
Каждый шаг в новый день.
День на день не похож,
Как на скрипку свирель.
Терпеливо трава
Собирает листву,
Как под вечер кровать
Отдыхающий звук;
Как зернистый асфальт
Многоточие ног;
Как последний трамвай
Благодарный кивок.
Не упрямяся, не спорь,
Нетерпимость души,
Укроти свою боль,
Осуждать не спеши.
Без фантазий поверь:
Духом слаб человек,
Как без скрипки свирель,
Как без солнца рассвет.
Попытайся понять, —
Что без Бога ты ноль,
Многоточия дня,
Устремлённого в ночь.

Дождь беснуется всласть —
Фантазеру плевать.
Он успеет попасть
На последний трамвай.

Снег и музыка

Под вечер выпал снег и превратился в свет.
Под вечер был он бел, а ночью стал он сед.
В седеющую прядь на волосах земли
Рассеяно глядят, желтея, фонари.
А юный музыкант краснеет на глазах,
Пока со сцены он разглядывает зал.
И робкая душа чиста, как первый снег,
Легка, как мотылёк... а музыки всё нет.
Но есть уже намек в движениях ловких рук.
И в полной тишине смычек коснулся струн.
И музыка вошла в дыхание людей,
Рассеивая свет вечерних фонарей.
И музыка плелась из искр небесных звёзд.
Из звона хрусталя, из тополиных слёз,
Порхала мотыльком над шелестом травы,
Свой оборвав полет падением листвы.
Усилием смычка вздохнул осенний звук...
И содрогнулся зал от благодарных рук.

От чистого листа

Из дома — в холод, шагом — в ночь,
Не привлекая торопливость.
Взглянула в звёздное окно
Душевная необходимость.
Во взгляде — кроткая мольба,
Ночь потревожила молитва:
«Помилуй мя!», — взмолился бас
Торжественно и колоритно.
Остроконечно жемчуга
Взгляд на просителя бросали,
И, раздвигая берега,
Безмолвно кротость привечали.
Как легок вздох! Пружина грудь,
Ветристый выдох притяженья
Продлил на несколько минут
От мрачных дум освобожденье.
Душа — вселенское перо.
Касалась мыслей, как бумаги,
Осенней свежести добро
Проситель пил из звездной фляги.
И с наслаждением: «Аминь», —
Торжественно шептали губы.
И раскрывалась Неба синь
Над этим миром, злым и грубым.

Сомкнув в едино три перста,
Залог грядущего прощенья,
Он шёл от чистого листа
К чертогам Божьего смиренья.

Ссора друзей

Лежит беспомощно в траве
Неповоротливое тело.
Лежало б дома на софе,
И ни о чем не сожалело.
Усмешка тает в уголках
Упругих губ, определенно.
Беспомощность рождает страх
(Но утверждение не бесспорно).
В словах есть сила правоты,
А вот для дружбы – обвиненья
Уж лучше выбросить в кусты,
Чем проявлять «святое» рвенье.
К чему торопятся слова,
Летя в лицо? Понять мудрено.
Словам, конечно, наплевать,
Но не лицу, определенно.
Тень соскользнула на лицо,
Как ферзь на шахматное поле.
Зрачки наполнились свинцом,
И зубы скрипнули от боли.
От злости выгнулась душа,
И память выдала гримасу.
Рука в замахе разошлась,
Чтобы обрушиться на массу.
О чем подумало лицо?

О чем подумало второе?
Не важно... Маска подлецов
Одна двоих в момент покроет.
И пальцы станут кулаком,
Пружинисто сожмётся тело,
А взгляд ошпарит кипятком...
Но злиться больше не хотелось.
Так молчаливо и пошли
Слегка в раскачку две фигуры.
Но почему не разошлись?
Довольно странные натуры...
Взяв на себя полночный труд,
Их дружба сняла напряжение.
И не свершился Божий суд –
Друзья пошли на примиренье.

Бессмертие мысли

Нетрудно труд карандаша
С бумаги ластиком стереть.
Стёр мысль – и дрогнула душа,
И тут же стала сожалеть.
Сжимают пальцы карандаш,
Взгляд просочился сквозь стекло.
Упёрся в старенький гараж,
А внутрь попасть не повезло.
Воображенье только тронь,
Оно рождает миражи –
Рисует ржавое нутро.
Но даже в ржавом тлеет жизнь,
Как мысль, которую стереть
Вам не составило труда.
Но мысль не может умереть,
Одна из многих... хоть – не та.

Чудо мысли

То слезинкой вдруг упала,
То пылинкой пролетела.
Мысль, которая пугала,
Что душа забыть хотела.
Позабыть? Сказать: «Приснилось»?
Попросить взамен прощенье?
Даже эта Божья милость
Принесёт ли утешенье?
Утешения не будет,
Хоть виниться – это дело.
Ведь порыв в сомненье чуден,
Если мысль любовь согрела.

Три слова

Добром откликнулось добро
Всего лишь от одной улыбки,
В любовь макнув своё перо,
Соединила половинки
Двух самых трепетных сердец
Тремя словами на асфальте,
Открыв желания ларец,
Как дверь девчонка в белом платье.
И застучали каблуки,
Вниз от ступенек отрываясь.
Перила вверх из-под руки
Скользили, с пальцами встречаясь.
Её с восторгом встретил двор
Морским случайным дуновеньем.
И вострепнулся птичий хор,
Купаясь в ветреном смятенье.
Она изящная, как лань,
Скользнула к юноше в объятья.
Для поцелуя замерла,
Чуть придержав ладонью платье.
Поцеловались и пошли,
Им в след прохожие вздыхали.
И подобревшим взглядом их
До остановки провожали.

Три слова: «Я тебя люблю», —
Лежать под окнами остались.
О них, как взгляды о салют,
Весь день улыбки спотыкались.

Курносая жизнь

Курносые листья кружат над землёй.
Курносую жизнь задеваем ногой.
Ей долго ещё листопадом лежать,
И дворники будут её собирать.
Есть повод ворчать, заработав на хлеб,
Пока созерцаешь осенний балет.
Весь двор на ладони, но стынет ладонь,
И тело не греет сердечный огонь.
Набраться б терпенья, а там поглядим.
Привыкнем, конечно, а дальше – Бог с ним.
Дождёмся зимы: к снегу сердцем прильнём,
Чтоб было теплее и ночью, и днём.
Чтоб было: «Вот это другой разговор».
Мы здесь и сейчас, и приходим во двор,
И тянутся руки невольно в карман.
Минута общенья, потом – по домам.
Всю ночь по карнизам дождь будет стучать.
Останется нам на погоду ворчать.
Придётся ужать все свои куражи,
Пока под ногами курносая жизнь.
Ей выдался случай во влажном дворе
До первого снега хранить акварель.
Но каждое утро ветвистый букет
Нам будет дарить свой осенний балет.

КСПешная поляна

Дремлют ветки-паутины, —
Им, наверно, снится лето.
А газонные витрины
Смотрят в небо белым светом.
Город хмурится устало,
Провожая по привычке
От простуженных вокзалов
Городские электрички.
За окошком, отдыхая,
Спят походные тревоги,
Под сугробами скрывая
КСПешные дороги.
В ожиданье прибывает
Место встречи и разлуки,
И по топоту вздыхает
В надоевшей снежной скуке.
Словно ветки-паутинки,
От дороги в лес ныряя,
Растекаются тропинки,
Меж деревьями петляя,
Незаметным, лёгким следом,
По условию задачи
Согреваясь белым светом
В неизбежной зимней спячке.
Наделённые упрямством,

Из-под снега, словно мели,
Проявляют постоянство,
Чтоб явиться вдруг в апреле.
И, от топота проснувшись,
Снова в стаи соберутся,
И за спинами послушно
У костров пересекутся.
И тогда над Русью вечной,
Полетят аккорды рьяно,
И опять расправит плечи
КСПешная поляна.

Взросление любви

Понять себя – не из простых,
А из разряда философских
Задач. И пусть ты поостыл
От материнских и отцовских
Решений жизненных проблем,
В них не бывает недостатка:
Ведь в большинстве семейных тем
Есть не прополотая грядка.
А приглядеться – сорняки
Пускают в мысли свои корни.
И откровения редки,
Непонимания бесспорны.
У наказания есть смысл,
У наказания есть мудрость, –
Оно раскачивает мысль,
Не позволяя впасть ей в грубость,
Чтоб сохранить авторитет
И, не приемля оправданий,
Свести все доводы «на нет»
С известной долей пониманья.
А утром утомленный взгляд,
Глядишь, допустит послабленье,
Чтобы любовь вернуть назад...
Дай Бог прощению терпенья!

Дай Бог терпению любви,
Чтобы не впасть ему в жестокость,
Ведь, как на горло не дави,
Не адекватна однобокость.
Терпенью свойственен размах,
Точнее —самовыражение.
И пусть брожение в умах,
Рождает удовлетворенье,
Чтобы осознанно вина
Учила быть за всё в ответе.
Чтоб в голове остаток сна
Звучал набатом на рассвете.
У беспокойства нет причин
Не откликаться на сюрпризы:
Периодически ворчим
И подчиняемся капризам.
Ведь у родительской любви
Букет дежурного прощенья
Лишь ставит шалости на вид
В процессе детского в зрелость.
Но и взросление влечёт
Необратимые привычки,
В быту семейных непогод
Воспламеняясь, словно спички.
И жизнь, обычная на вид,
Скрипит, как старая калитка.
Но от прощенья обид
Любовь взрослеет на ошибках.

Собачья преданность

В иную ночь с особой страстью
Скулит бездомная свобода.
А из морозной белой пасти
Метёт собачья непогода,
Рождая страх в собачьем сердце
С немой тоской в потухшем взгляде.
Но в нём беспомощность младенца
Пылает в снежном маскараде,
Прощая людям все обиды,
Вплоть до тупого равнодушья.
И все сомнения забыты
В глотанье звёздного удушья.
Как утомительна погода
В полуголодном ожиданье...
И льнет хвостатая порода
К руке скупого состраданья.

Смысл спора

Под девственным покровом темноты
На хрупких ветках, дышащих на ладан,
Спрессован сон хрустальной чистоты
И падает на землю листопадом.
Не на траву, а в мокрый рыхлый снег...
Такмысли падают в слова и замирают,
Находят в памяти и кров свой, и ночлег,
Пока от чувств однажды не растают.
И будет течь поток пустых речей
В застольном споре, как это бывает,
Где каждый из рассерженных гостей
Друг друга сгоряча перебивает,
Рождая истину, и даже не одну.
Так снегопад рождает пласт за пластом,
В сугробах обретая новизну
И окна расписав морозным маслом.
А спорщики расписывают смысл,
Да так, что и фантазия бледнеет,
Порою обжигая, словно хлыст,
Над убеждением фактами довлея.
Покинет шум гостеприимный дом,
Спор завершится дружественным ладом.
И дай-то Бог, чтоб каждый при своём
Остался под хрустальным листопадом.

Мужская тайна

О, женщины! Ругаетесь и злитесь,
Но, право слово, уверяю – зря.
На беззащитность нашу оглянитесь,
Когда в свой страх бросаем якоря.
И пусть волною дней на берег смыва
Несдержанность, что в нас рождает стыд,
Через себя пропустим, как сквозь сито,
Всю бурю чувств разгневанных обид.

Утешение

Вот, не пишется порой.
Ну, не пишется.
А напишешь пару строк,
Легче дышится.
Хоть какое-то душе
Утешение,
Поднимающее мне
Настроение.
Льются строчки в тишину,
Растекаются.
И ликует мысль в груди,
Отрывается.
И душа моя летит к звёздам,
К мистике,
Чтоб поэзию найти
В Божьей истине.

С уважением к себе

Всё так и не так.
День собран в кулак.
Рассчитан по пальцам
В нём мой каждый шаг.
И нету поблажки
К себе, посему
С волнением справляться
Теперь ни к чему.
Ведь выбора нет,
Всюду надо успеть,
А значит, до цели
Изрядно вспотеть.
Дела разгребать,
Как копать в тряпье,
Взглянув на себя
С уваженьем к себе.

Триптих

-1-

Одев очки, всё видишь в тусклом свете,
Прикрыв глаза от солнечных морщин.
Так стекла, устремившиеся в ветер,
Скрывают взгляд водителей машин.

-2-

Я друг, хоть это надо доказать,
Но моя дружба – это моё слово.
Абсурд – на неприятности плевать,
Пусть даже к ссоре был случайный повод.

-3-

Я в новом дне ищу улыбку,
Чтоб улыбнуться просто так,
Как ищут старую открытку
В семейном ворохе бумаг.

Фанатизм

В Москве теракт!
И задышала смерть.
Ну что за жизнь?
Извечная нелепость
Слепого фанатизма.
Круговерть,
Бросающая судьбы
В неизбежность.
Рождает страх
И извращает смысл
Кровавая цепочка
Преступлений,
Тех, кто лелеет
Только лишь корысть
В неистовой борьбе
Веросплетений.

Муж и отец

Идет мужик. Преклонный возраст.
Несёт добытое «добро».
Ему те досточки, как воздух,
Или Адамово ребро.
Невзрачный, худенький, уставший,
Едвасогретый пальтецом.
Такой не складный и домашний,
Но именуемый отцом.
Семьей любимый. Это радость
Его чувствительной душе...
Но тяжким эхом отозвалось
Признание это для ушей.
Пусть осадок остаётся,
Семейный дар не оценим.
Не каждому отцу дается
Знать, что ты нужен и любим.
Не время мыслям торопиться,
Твердить о самом дорогом.
Ведь этим чувством он гордится,
Как Бог – Адамовым ребром.
Ведь он – отец, и всё такое...
Откроет дверь дневных забот,
За досточки свои спокоен,
С улыбкой в комнату войдёт.
Жену объятием уважит,

Свой голод утолит борщом.
И о зарплате тихо скажет,
Что, мол, не выдали ещё.
Упомянув об этом мельком,
Он, несомненно, был бы рад
Похвастать лишнею копейкой,
Чтоб только в пол не прятать взгляд.

Пробуждение поэзии

Не потеряйся аппетит,
Наелся б досыта.
И вроде стол уже накрыт,
А мыслей россыпи.
Как будто листья в листопад,
Держу охапками,
И собираю их в тетрадь,
Как воду – тряпками.
Весна ручьями льётся с крыш,
Не остановится.
И из-под снега, как малыш,
Наружу просится.
Она добьётся своего –
Так всё устроено.
И ей гордится от того,
Что цель отспорена.
Всё больше хочется тепла...
Нет-нет, да холодно.
И в этот холод от стола
Уйду не солоно.
Хлебну ночную дремоту
Душой весеннею,
И непременно перейду
От сна к волнению.

В нём память бережно хранит
Времён смешение.
И ветром ветки теребит,
Уже весенние.
Я позабуду холода,
И к солнцу вытянусь,
И в мир стихами, как вода,
Наружу выплеснусь.

Весна и рабочий

Примерила весна неторопливость:
Хоть временно, но надо уступить.
У ней с зимой, увы, несовместимость,
И остаётся лишь одно – «перекурить».
Так курит озадаченный рабочий,
Когда работы на сегодня нет...
И пусть мужик до отдыха охочий,
Но у весны намечен свой сюжет.
Она готовит почву для сюрпризов,
Хотя её затея не нова,
Ей по рождению бы быть актрисой,
Придав своим эмоциям слова,
Как придаёт означенный рабочий,
Изрядно пребывая под шафе.
Ему б не у станка, а где-то в Сочи
Расслабиться в каком-нибудь кафе.
К чему слова? Мечтать – оно не вредно,
Труднее до желанного дожить.
Весна свой час дождётся непременно,
Его зиме уже отложить.
И не спасут морозные уловки:
Внезапный снег иль ветреный каприз.
Меж «сёстрами» случаются размолвки,
Но каждый раз находят компромисс.
Так с совестью рабочее упрямство,

Изрядно утомлённые спиртным,
Вдруг ставят, наконец-то, крест на пьянстве
В преддверье наступления весны.
Она придёт с душевною заботой, –
Ослабленный рабочий организм,
По горло перегруженный работой,
Уже готов принять её сюрприз.
И выйдет, с пробуждением народа,
Желанная весна из берегов.
И улыбнётся зеленью природа,
Вменяя ей в обязанность любовь.

Старушки

Сидят на лавочке старушки,
Их хобби – каждого встречать.
И, словно детские игрушки,
Чужую жизнь перебирать.
Все их усилия конкретны
В процессе этих процедур.
Язык нанизывает сплетни,
Как будто мясо на шампур.
Со словом всякое бывает:
Известно, что не воробей.
Всем косточки перемывает
Язык – служака «новостей».
Без них какие разговоры?
Всего лишь видимость одна.
Чужие радости и ссоры
Старушки судят допоздна.
Их взгляд в покое не оставит,
Его ногою не собьешь.
Вот, он вослед тебя буравит,
Как тот рентген... Так и идешь.
И как сказать, что это свинство?
Старушек надо уважать.
Их разбирает любопытство.
А вот зачем? Не нам решать.

Формализм

За словами – жизнь.
За словами – смерть.
В чей-то формализм
Приоткрыта дверь.
Но войти – никак.
Не лежит душа.
Вроде не пустяк,
Но зачем мешать?
Убеждённый бас
Верой ворожит.
От убойных фраз
Всё внутри дрожит.
Нужно бы прервать
Этот мёртвый звук.
Он формально прав,
Но, по существу?..
Слезы жгут глаза,
И не наплевать,
Что нельзя сказать
Нужные слова.
Формализм – не бред,
Он страшной ружья.
Может быть, и нет,
Но не верю я.

В плену чужой любви

Ну, как утетишишь ты,
Коль безутешен сам?
Греховные хвосты –
Платок чужим слезам.
Чужое – не своё.
Возможность сострадать
В твоих грехах даёт
Лишь то, что в силах дать.
Сочувствие – не в счёт,
Не лучше, чем упрёк.
Оно, как гололед,
Для ослабевших ног.
Как от вранья укол,
Чтобы вдвойне больней.
И совесть эту боль
Клюет, как воробей.
Поблажки никакой
У жалости в плену.
Душевный непокой
Спиртным не обмануть.
Прощенья не зови...
И как себя простить?
В плену чужой любви
На свете трудно жить.

Пустячный спор

Вот спорит сын, и спорит мать –
Терпенья образец.
А их пытается понять
Не спорящий отец.
Он не на шутку огорчён
В смешеньях правоты,
И сам как будто приперчён
Щепоткой остроты.
Неразорвавшийся заряд
Хранит на языке,
Как пальцы сжатые хранят
Всю силу в кулаке.
Жене всё надо разжевать,
А сын ворчит в ответ.
И как мужчине поддержать
Мужской авторитет?
Как мир семейный сохранить?
Ведь дело – в пустяке...
Но как такое объяснить
На русском языке?

Российское терпение

По-весеннему зима разрумянилась,
Как девица, белоснежным терпением.
И душа моя заметно расслабилась,
Увлечённая ее настроением.
Настроенье день за днем улучшается,
Соответственно растет убеждение,
Что долги мои растаять пытаются:
Не иначе, как в связи с потеплением.
А строительство вокруг капитальное.
Значит, городу грядёт уплотнение.
Обстоятельство страны коммунальное
С каждым годом не внушает доверия.
В магазине больно цены кусаются,
Да так ловко, что ты к ним не подступишься.
А упреки от родных не кончаются,
И в семейном колесе белкой крутишься.
Ну, а вечером экран распинается,
Предлагая криминал с наслаждением.
Бесконечный сериал не кончается,
Вот и смотрим мы его с увлечением.
Как бы ни было, весна продолжается,
Растопив своим теплом раздражение.
Оптимизм сквозь нищету пробивается,
Ободряемый российским терпением.

Удел бедняков

И снова – в пыльную Москву!
В начало нынешнего лета.
Вновь обстоятельства зовут
Сесть на рублевую диету.
Уж лучше плохо отдыхать,
Чем каждый день на стойку топать,
Дела семейные латать,
Как на одежде дыры штопать.
Долг даже плюнуть не посмел
На загазованность столицы...
Журавль к счастливым улетел.
И руки тянутся к синице.

Безголовая нетерпеливость

Нетерпеливость рвется в бой,
Едва разделавшись с терпением.
Она не дружит с головой,
Когда отсутствует сомненье.
Ей только б шашкою махать,
Рубить налево и направо.
И хоть ума не занимать,
Но получается коряво.

За шторами

Ночь надежды приводит домой,
Даже, если возникли сомненья.
Даже, если в квартире пустой
Вдруг внезапно охватит волненье.
Неприветливо бросит в озноб,
Но зато претворяться не надо...
Ваши шторы задернут окно
От чужого случайного взгляда.

Источник творчества

Шумит Москва, и этот шум
Привычен для ушей.
Себе другого не прошу
Для творческих идей.
Прозрачных мыслей водопад
Берет начало здесь,
И низвергается в тетрадь
Всей правдою, как есть.

Летний дождь

Покапал дождь и силы исчерпал,
Забыв на время летнюю игривость.
Видать, пошёл по солнечным стопам,
А заодно к жаре обрёл терпимость.
А что терпимость прочит для меня?
Скорей всего, лояльность к недостаткам.
Осталось настроение поднять,
Пока проходит жизнь своим порядком.

Инвалиды

Огромное желанье инвалидов
С годами пересилить свой недуг —
Как мощное движение болидов,
Что завершают свой последний круг.
Оно даёт надежду не сломаться,
И верой в жизнь отодвигает стыд.
А страх, чтоб на любимых не сорваться,
Не оставляет место для обид.

Лето

Похоже, лето перегрелось,
Людей вгоняя в дремоту.
Во все зелёное оделось,
Скользя по синему листу.
Играет ветер облаками,
Гоня их вдоль и поперёк.
А чтоб дождю не потакали,
Повесил солнечный замок.

Дождь

Эх, погода разгулялась!
Дождь танцует затяжной.
Сколько жить ему осталось
В этой пляске водяной?
Да, характер не из легких.
Но в эмоциях нет зла.
Просто падают иголки
Из прозрачного стекла.

На выгул!

Зла прохлада этим утром,
Поубавив пыл жаре,
Пусть еще не в многолюдном,
Но проснувшимся дворе.
Вот и мне уже не спится.
Дождь ни дождь – поможет зонт.
Пусть в материю стучится
Летних капель перезвон.
Даже в это воскресенье
Мне собака спать не даст.
«Мне – гулять!», – её решение,
Не смотря на ранний час.

Очки от стыда

Купил очки. Похоже, подойдут
К лицу, а выбрать их не так-то просто.
Но я их выбрал. За моё упорство
Мои глаза от взглядов сэберегут.
Слова, как мёд, ложатся на язык
И слух ласкают соловьиной трелью.
А вот душа терзаема метелью –
В мои страдания верный проводник.
И пусть она рыдает или поёт,
У Господа прошу прощения: грешен!
Несу свой крест, и стыд мой неизбежен.
И день за днём раскаянье моё.

Времени счёт

Подъехал троллейбус,
Да номер не тот.
Подъехал автобус,
Опять не везёт.
Ну, что ж, остановку
Пройду не спеша.
Ведь десять минут
Ничего не решат.
Но десять минут –
Ожидания счёт
Для тех, кто тебя
Обязательно ждёт.
Для них, мне родных,
Эти десять минут
Покажутся часом,
Когда они ждут.

Полёт листа

Спасибо лист, что ты упал в мою ладонь,
Пусть это хрупкое паденье безутешно.
Прости, что грешной плоти злой огонь
Обжёг тебя, но эта встреча неизбежна.
Как терпеливо в доме тикают часы,
Любви отсчитывая годы, дни, минуты.
И постигаются скандальные азы,
Едва начавшие свой путь с мытья посуды,
Чтоб одиночество неделями считать,
Когда привязанность изменами размыта.
Ах, как мучительно с собою совладать,
Лишь только мужество до капельки испита.
Хвала любви! Мой век от этого далёк.
И, расставаньем продлевая неизбежность,
Раскрыв ладонь, я возвратил листу полёт...
И светлой тенью моих губ коснулась нежность.

Письмо с фронта

Как живёшь, моя родная?
Не писал давно, прости...
Ты, от голода страдая,
Всё смогла перенести
В осажденном Ленинграде.
Смерть на саночках везла,
Чудом выжила в блокаде
И дитё уберегла.
По любимому вздыхала,
С фронта весточку ждала.
На войну, как вол, «пахала»
И по карточкам жила.
А соседи умирали
От разрывов на бегу.
Но свой город отстояли,
Погребённые в снегу.
За дитя переживая,
Перед боем помолюсь.
Я люблю тебя, родная,
И с победою вернусь.

Победные дожди

Ах, дожди-дожди-дожди,
Развезло дороги.
Нам с войною по пути –
Только вязнут ноги.
Ох, не жалуется народ
Почта полевая.
И покоя не даёт.
Сторона чужая.
Ну, да ладно, будем жить,
Умирать, да верить.
Знать, на то он и мужик,
Чтоб считать потери.
Чтоб слышать перезвон,
Возвращаясь к дому,
И отвесить свой поклон
Своему святому.
Не ругайся про себя,
Не сердись, чужбина.
Нам не нужно от тебя,
Даже половины.
Скоро кончатся дожди, –
На лицо приметы.
Ну, а нам ещё идти
До самой Победы.

Спасительная рыбалка

Пусть жена грозитя скалкой
И всё в доме кувырком,
А мужик силён рыбалкой,
Как все бабы – языком.
Но в бутылку лезть не стоит:
Не дошло бы до беды.
Чтоб нервишки успокоить,
Оказались у воды.
И чего-то наловили.
Право, мучились не зря.
По уму уху сварили,
Скорешившись у костра.
Расслаблялись понемножку:
После третьей – все друзья.
Хоть карасик был с ладошку,
Превратился в карася.

Ранение

Лишился почвы под ногами от удара...
Как утомительно лежать и между делом
Бездумно ждать, когда ж в носилках санитаров
Окажется твоё беспомощное тело.
Но это – после, а пока терзает жажда,
И, как на грех, не повернуться, не напиться.
Срываясь в крик, ты был уверен не однажды,
Что уж с тобой-то эта глупость не случится.
Ан, нет, ранение таилось где-то рядом,
Являясь временной отсрочкой для солдата,
Когда не надо целиться, стрелять не надо...
А пуля? что ж, она в груди за доблесть плата.

Стихи про белое

А в городе стужа, а в городе всё было белым.
Я был в нём последним к полуночи, полночь —
первым.

А снег всё скрипел и скрипел в белоснежной
столице.

От долгой ходьбы не заметно слипались
ресницы.

Я шёл от себя, я был жалок в своём нетерпенье.
Был белым мой город. Я в белом искал
утешенье.

Я шёл, спотыкаясь, как пьяный, по белой
странице,

Но что-то случилось: исчезли дорожные птицы,
Огни в подворотнях, в подъездах влюбленные
лица.

Остались одни лишь следов вереницы.

А мысли бежали по белому, путаясь где-то.

Я в белое шёл, ибо в белом — начало рассвета.

Пока...

Не повернуть лица,
Не увидеть лицо.
Стыд на щеках горит:
Каким же я был глупцом!
Не удержал слова,
Слетевшие с языка.
А виноватых нет.
Правда, их нет пока...

Молитвенные берёзы

От предвкушенья летней неги
Под небом каждый Божий день,
Уже свободные от снега,
Как скатерть, расстилая тень,
Растут берёзы по соседству.
Давно привычные для глаз,
Они глядят на нас из детства,
И молча молятся о нас.

Я – человек!

Ищу совет, а он войною смят.
Хочу кричать, но обливаюсь потом.
Я человек, и мир – моя семья,
В кровавой лжи оправданный полётом.
Я у вселенной нахожу ответ:
Быть тем, кем есть, и в Боге черпать силы.
Ведь бранный век мой лирою согрет,
И Музой, что бессмертье подарила.

Склеенная ночь

Страницами шуршат измятые газеты.
От самого себя слезу не утаить,
Когда, зашторив день, на окна и подъезды
Облокотится ночь – и некуда спешить.
Непрошенная ложь была кому-то флагом...
Я, словно в забытии, играю чью-то роль.
В затылок чуть дыша, неторопливым шагом
Меня мои года проводят до метро.
Я возвращусь домой, я обрету желанья.
Желанным буду я и ветер за окном.
Влюблённые глаза коснутся ожидания,
Ненужные слова оставив на потом.
Есть в осени глоток не выпитого счастья,
Когда летят в лицо слезинки октября.
И, облаком кружась в его холодной власти,
Касается земли листва из янтаря.
Шум, потеряв покой, вдруг захлебнулся в
лужах,
Освобождая взгляд от незнакомых лиц.
Пускай характер мой сомнением простужен,
Я склеиваю ночь из вырванных страниц.

Взгляд-птица

Что-то небо затянуло,
Город снегом замело.
Сердце памятью кольнуло,
Отпустило и ушло.
Не простая жизнь в столице,
Но в чертогах пустоты
Взгляд взлетел на небо птицей,
Улыбнулся и... остыл.

Танцующая с ветром

Как от вина, кружится голова,
Лишь только звёзды зажигают свечи.
В последнем вальсе кружится листва
И неуклюже падает на плечи.
Глаза слепят ночные фонари,
Как воробьи, заглядывая в лужи.
И ветер, что о чём-то говорит,
Видать, давно безжалостно простужен.
Пусть чья-то жизнь проходит стороной,
Смотрю, как осень в люстрах гасит счастье.
Но крыльями взмахнёт над головой
Мне не знакомых путников участие.
И, может быть, в порыве нежных чувств
К усталости я прислонюсь дыханьем.
И, словно птица, в небо полечу,
Взмахнув своим вселенским ожиданьем.
Пусть в пути мне встретится рассвет,
Я растворюсь в нём, став частицей света,
Чтоб только зачарованно смотреть
На девушку, танцующую с ветром.

Мой старый-новый город

Этот город, увы, мне ещё не знаком.
Весь он новый с названиями старыми.
Преклоняю колени, бью о землю челом
И с восторгом плутаю кварталами.
Я, наверно, чужак. Может быть, может быть...
И дома мне набили оскомину.
Всё бетон да кирпич – небывалая прыть.
Всё, как прежде, и всё же в диковину.
И, наверно, поэтому так я спешу
В этих стенах найти утешение.
Здесь мне всё по нутру, здесь живу и дышу.
Здравствуй, старый Арбат! С днём рождения.

Мой дом

Стена к стене, окно к окну,
И ветер еле дышит.
Мой дом, колени подогнув,
Среди других нелишний.
С небрежным видом знатока,
Готовясь к зимней стуже,
Он подпирает облака,
Заглядывая в лужи.
Мой верный друг ещё упрям,
Хоть век его не прочен.
Включает свет по вечерам,
И гасит среди ночи.
Чтобы любовь, спеша ко сну,
Три слова не забыла,
Прильнув к осеннему окну,
Желаньем воспарила.
Мой дом стареет под дождём,
А я – в объятьях дрожи.
Мы оба с ним чего-то ждём,
И в этом мы похожи.

Плата поэта

Строка дописана, тетрадь закрыта,
Но в искренность поверится едва.
В ту искренность, которая забита
Для каждого влюбленного в слова.
Пуškai в душе теснятся откровенья,
В автобусе, в машине иль в метро,
Не лучше ль отдохнуть от вдохновенья,
Коль наизнанку вывернул нутро?
Сомнениям дорогу уступая,
Надеждами переплетаешь жизнь,
Как школьник, замечаниям внимая,
На раздраженье «вето» наложив.
Иная мысль — лишь повод для сомненья.
Важна не лесть, а искренний совет.
Ведь, всяк поэт достоин уваженья,
Хотя бы потому, что он — поэт.

Надежда полумрака

В стакане недопитый чай,
В дыханье прячется простуда,
Из крана падает минута,
А на столе горит свеча.
Приподнимая полумрак,
Едва подрагивает пламя.
На потолке рисует память
Непоправимое «вчера».
Дремоту не растормошить,
И губы шепчут имя Божье.
И выпить хочется до дрожи,
Но этим боль не заглушить.
Душа прозрачнее воды,
Но вся больна грехом вчерашним,
И, надрывая горло кашлем,
Глотает сигаретный дым.
Ночь, потревожившая страх,
Простудой сотрясает тело...
Пока свеча не догорела,
Живет надеждой полумрак.

Мой Арбат

Друг к другу жмутся старые дворы
В ночных объятьях старого Арбата.
Октябрь приносит щедрые дары
К моим ногам —ковёр из листопада.
Здесь всё не так уже, не тот Арбат,
Но он меня так искренне встречает,
И, за собой маня в осенний бал,
По-прежнему себе не изменяет.

Вечерний листопад

Под ветер себя подставляя,
Идет босиком листопад.
Он, золотом день ослепляя,
В ночной заступает наряд.
Верхушками машут деревья
Среди примелькавшихся крыш.
Ногтями царапает время
Кленовый осенний порыв.
На окнах прищурились веки,
Запутался в стеклах закат.
И, словно крыжовник под веткой,
На небе висят облака.
Расправив упрямые плечи,
Возносятся ввысь купола.
И гасят закатные свечи
Небесных огней зеркала.

Верь, душа!

Шепчет мне снег о пустяках,
Лунная ночь тает в руках.
Я ухожу с мыслью одной,
Чтобы мой страх шёл за спиной.
Тлеет мой сон, словно костёр,
Мысли ведут давний свой спор.
Я ухожу в ночь от толпы
Сонным путем в город слепых.
Трудно любить то, что любил,
Нужно забыть, что не забыл.
Только зачем это всё мне,
Если меня в городе нет?
В долгую ночь сыпется пух,
Ветром размыт нервный мой слух.
И в тишине вместо окон
Смотрят в глаза стаи ворон.
Но не скули! В чёрном – лишь страх.
Белым крылом сделай свой взмах.
Город любить свой не стыдись,
Верь же, душа! Верь и молись.

Вспоминая отца

Распутан временем клубок
Воспоминаний – мне в награду.
Была отцовская любовь,
Я познавал ее когда-то...
Была разбужена душа,
Ещё не знавшая потери,
Ладонью страха, не спеша
В смерть открывающего двери.
Ушёл отец, ушёл давно,
Нас на разлуку обрекая.
Ушёл, и катиться в вино,
Из мутных глаз слеза скупая.

Машины

Утюжа дорогу, вращаются кольца.
Шальные машины, как стая пернатых,
Надев на себя разноцветные латы,
Горбатые клювы подставили солнцу.
Искатели ветра, глотатели пыли,
Всегда презирающие расстояние,
У ног светофоров сбивают дыханье
И тихо ворчат, обнаружив бессилье.
За жизни людей постоянно в ответе,
Стальные красавицы, баловни века,
Утратив покой, словно бурные реки,
Бывают капризны, как малые дети.
И все же я тайно влюблен в этих монстров,
Дорожных безумцев, но с женским началом.
Я еду в такси и меня укачало.
Дремотная слабость, а дальше – всё просто:
Смешавшись с толпою военных и штатских,
Я стал пешеходом, я двинулся к цели...
Меня провожали машинные трели
На солнечный остров, на старый Арбатский.

Животворящая берёзка

Берёзка, бегущая в лето,
Состарилась, жизнь торопя.
Но силу, что тянется к свету,
Ты мне отдавала любя.
Впитали тепло твоё руки,
И я, восполняя пробел,
Сквозь долгие годы разлуки
Душой прикасаюсь к тебе.

Огонь

Мне говорят: «На деньги уповай».
Но, что же делать, если я романтик?
Мне говорят: «Людей не замечай».
А я без них, как без конфеты фантик.
Трепещет сердце, как ретивый конь,
А люди – они добрые и злые.
Без них я лишь бессмысленный огонь,
Где греют руки крысы тыловые.
А Украина, то есть, Русь – в огне.
И умирают люди, умирают,
Выплёскивая в Бога злость и гнев...
Когда же Русь залечит эту рану?
Пусть крысы убегают с корабля,
Россия в святости и во грехах едина.
Народу силу дарует земля,
А вера во Христа – непобедима.

Жизнь за друзей

А страх хватает чувство за кадык,
И хочется забиться в щель подонка...
Солдат, ты от ребячества отвык
В тот самый миг, когда почти ребёнком
Ты в плен попал на подлой той войне.
Но ты хотел отдать бессмертью душу.
И ты не предал... Ты застыл, как снег,
Но всю измену выплеснул наружу.
Не предал ты, но выбор был тугим,
Как та петля, как сонные надрывы.
Пусть ты в конце мучительно погиб,
Зато друзья все, слава Богу, живы.
В плен угодил и рация с тобой.
Пугала смерть, но, всё же, не сломала,
Хоть голос стал предательски чужой,
Ведь жить хотелось – это, брат, не мало.
Ты трепетал, рыдания рвали грудь,
И в униженьи теплилась надежда.
Но трусости сказа ты: «Позабудь
О жизни думать», – став таким, как прежде.
И разнеслось в эфире: «Духи взяли в плен!»
«Я понял всё», – тебе ответил кто-то.
...Ты мёртвый распластался на земле...
Зато в засаду не попала твоя рота.

Ну, что ж, солдат, ты сделал всё, что мог,
Чтобы спасти друзей и свою душу.
Ты силой духа выполнил свой долг,
Присягу Родине пред смертью не нарушив.
А с этой силой в бой идти легко
Тем, кто тебя помянет добрым словом,
Когда свечу зажгут за упокой
Твоей души в бессмертии Христовом.

Святая Русь

В российском доме каждому своё:
На то она, славяне, и Россия.
Она листом березовым поёт,
В полёте голубином её сила.
Не прекратит любовь столетний бег,
И вспыхнет в чувствах искрою нетленной.
**Ищите же Святую Русь в себе,
Как ищите себя вы во Вселенной.**

О фонде «Глас ангельский Руси»

Вот уже почти четверть века в Москве плодотворно работает Межрегиональный благотворительный общественный фонд «Глас ангельский Руси». Сфера его деятельности – это Культура, в самом широком её понимании. Ведь культура нации – это образ жизни нации, способ её существования, её самоидентификации и осознания себя как коллективной личности среди других народов. А основу национальной культуры составляют лучшие люди государства.

Фонд «Глас ангельский Руси» и ставит перед собой задачу выявлять таких людей и указывать на них народу. Собственно, эти люди являются земными ангелами-хранителями родной земли.

Вот почему фонд «Глас ангельский Руси» принял на себя такое название. Ведь Ангел – это Божий вестник. Он осуществляет связь земного и Небесного, материального и духовного. Именно поэтому главной наградой Фонда является скульптурный образ Ангела, разработанный и воплощенный в бронзе известным русским скульптором Вячеславом Клыковым. Он представляет собой фигуру Ангела трубящего, стоящего на шаре, который символизирует весь мир, всё человечество. Шар опирается на имперскую

колонну, которая в свою очередь является символом Божественного устройства мира.

Фонд организован в память юного Русского певца Максима Трошина в 1995 году. Учредителем и председателем Фонда стал известный русский художник Детков Николай Алексеевич – член Союза художников-графиков международной организации ЮНЕСКО, режиссер, общественный деятель.

Добровольными сотрудниками Фонда являются поэты, писатели, музыканты, певцы, актеры, художники, журналисты, военные, бизнесмены, представители других государственных и общественных институтов, прихожане и клирики Русской Православной Церкви.

Работники Фонда занимаются тем, что по всем необъятным просторам России, во всех, даже отдалённых уголках её, ищут по-настоящему талантливых людей, которые жизнью и деятельностью своей проповедуют любовь к России и к её исконным ценностям. А потом этих людей в торжественной обстановке, с представлением их деятельности, награждают главной наградой Фонда. Этот акт и есть той объединяющей и организующей силой, которая созидает единое тело, имя которой – Русская Культура.

Награда «Ангел трубящий» присуждается в номинациях, которые охватывают всю человеческую деятельность, от искусства и науки до рабоче-крестьянского труда и защиты Родины. Главное

условие – что бы человек был талантливый и любил свою Родину, любил Россию.

За годы существования Фонда, с момента его основания до нынешнего времени, было присуждено около двухсот «Ангелов» в различных номинациях. Награды под номером 1 и 2 получили Максим Трошин и Игорь Тальков (посмертно). Но Фонд не ограничивается лишь вручением наград. Его главная задача – продвижение Национальной культуры в народ.

За последние время Фондом были организованны и проведены массовые мероприятия на многих площадках Москвы и областных городов России.

Стоит отметить, что сотрудники Фонда, стремясь быть ближе к народу, организуют концерты в самых, порой, неожиданных местах. Так лауреаты и номинанты награды «Ангел трубящий» выступали на кладбищах в дни поминовения известных людей России, на вокзалах, в фойе административных здания, во дворе у подъезда, в курилке института, в деревне «у колодца», у храмов под открытым небом и в крестьянских избах.

В марте 1914 года несколько представителей Фонда выступали на площадях городов Крыма в поддержку всенародного референдума. И братская Белоруссия не осталась без внимания. В Минске состоялись гастроли «Ангелов» Фонда –

заслуженной артистки России Любови Шарниной и Ивана Якушина.

Так же ежегодно проводятся вечера памяти Игоря Талькова.

А во время войны в Сербии Фондом было организовано десятидневное турне артистов Иркутского «Театра народной драмы», лауреатов Фонда, которые под бомбёжкой и обстрелами выступали с концертными программами в Белграде и в других городах Сербии. Деяние это было освещено сербским телевидением.

И с Российским Центральным телевидением Фонд довольно активно сотрудничает. Так, при содействии Фонда на TV прошло несколько программ.

Итак, работа Фонда «Глас ангельский Руси» всё больше разворачивает свою деятельность.

А в 2015 году, когда отмечалось 20-летие фонда «Глас ангельский Руси», в Царской башне Казанского вокзала, в картинной галерее народного художника России Дмитрия Белюкина состоялась очередная торжественная церемония награждения номинантов Фонда, приуроченная к Дню Защитника Отечества, с многозначительным названием «Россию спасут люди в погонах...». Мысль эту высказал в разговоре со своим духовным чадом, художником Детковым Н.А., один старец-иерей. И мысль эта созвучна всей деятельности Фонда «Глас Ангельский Руси». Потому, что погоны на плечах –

это образ ангельских крыльев, а звёзды на погонах – образ ангельской иерархии.

В России почти все мужчины принимали воинскую Присягу, а Присяга делает человека солдатом на всю жизнь. Поэтому почти каждый мужчина в России видимо (на службе) или невидимо (на гражданке) несёт на своих плечах погоны – символы ангельского служения.

И недаром тогда, на юбилейной церемонии награждения, к награде «Ангел трубящий» были представлены генерал-полковник Леонид Григорьевич Ивашов, а ныне доктор исторических наук, президент Академии геополитических проблем, и писатель Владимир Владимирович Личутин. Один по призванию своему – воин на поле реального боя; другой – воин на духовном поле брани.

И столь же символично то, что информационную поддержку Фонду оказывает православно-патриотическая газета «Русский вестник». Ибо «ангел» в переводе на русский язык означает «вестник».

P.S. Автор этой книги стихов, поэт Николай Косых, является одним из лауреатов награды Фонда «Ангел трубящий» в номинации «Глас ангельский Руси».

СОДЕРЖАНИЕ

С Богом по жизни

Утро.....	6
Истинное слово	7
Люблю тебя любой, Россия	8
Междоусобица.....	9
Мечта о сыне	11
На грани	12
Посвящение другу	13
В детство	14
Лестница жизни.....	15
Сосед	16
Напоминание	17
Кара	18
Прыжок, длиною в строчку	19
Застрявшая любовь	20
Ты так сказал	21
Ноша	22
Плаха	23
День как день.....	24
Спасибо	25
Причастие души	26
Изгой	27
Просьба	28
Ответь	29
Шаг за шагом.....	30
Грех	31

Три слога.....	32
Молчание	33
Не торопись	34
Люди	35
Две свечи	36
От сохи.....	37
Большое сердце	39
Два крыла.....	40
Во имя любви	41
Рассвет	43
Колыбель	44
Выбор.....	47
Листопад души	48
Искушение	49
Посвящение	50
Ярость	51
Всё может быть	52
Сущность	54
Борода	56
Подумай	57
Помощь	59
Измена.....	60
Сыну.....	61
Воспоминания	62
Молчание икон	65
Ровесник	66
Может быть	68
Дружба на АЗС	69
Два слова об управляющем	70

Наш язык.....	71
Зависимость	72
Среди друзей	73
Живые сердца	75
Странный диалог	77
Жив блокадный Ленинград.....	78
Покрова Богородицы.....	79
Разговор со смертью	80
Парус надежды	81
Глас ангельский Руси.....	82
Рука Фантазии	84
Мольба	86
Дорогое обретение	87
Дитя Христа.....	88
Вместе с народом	89
В поисках любви	91
Прорыв из одиночества.....	93
Восьмое марта	94
Не торопись	95
Цветаевская сага.....	96
Признание другу	98
Новое рождение.....	99
Полёт сердца.....	100
Посвящение актрисе	101
Возрождение.....	102
Чужая боль.....	106

Царская улыбка

Монаршья честь	108
Народная награда	110
Солдат и поэт.....	111
Необузданная тройка	114
Царская улыбка	116
Весы	118
Первый шаг.....	120
Перекрёстки судьбы.....	122
Эхо революций	124
Жизнь как жизнь	126
Глубинка	128
А как же без царя?	130
Царская ода.....	131

Найти себя

Мой город	134
Мне мало надо	135
Дорога к слову	136
Свидание	137
Везение	138
Найти себя	139
За рюмкой	140
Два шага к истине	142
На грани жизни и смерти	143
Тишина войны	144
Мне пора	145

Боль войны.....	146
Свеча жизни.....	147
Раненное сердце	148
Война с адом.....	149
Расплата	150
9 мая	151
Потеря друга.....	152
Это война	153
Облака памяти	154
Доживём до рассвета.....	155
Дар веры.....	156
Всё сначала	158
Зима в вечернем городе	159
Газоны.....	161
Случайность	163
Божья любовь	164
Вдохновение	165
Благодарю	166
Смертная ночь	167
Горькая молитва	169
Я пришёл к Тебе	171
Одинокие сердца	173
Материнская любовь.....	179
Стыд	182
Он	188
Бомж.....	190
Возрождение.....	191
У храма	193
Камень преткновения.....	195

Тайна Москвы.....	198
Дождь-задира.....	200
Перед исповедью.....	201
Прерванный полёт.....	202
Святая соль	203
Будни быта.....	205
Мысль поэта	205
Не нарочно.....	207
Постижение	208
Вздых.....	209
Божья пашня.....	210
Остров поэта.....	212
Они и мы.....	213
Сосед по коммуналке	215
Отец и дочь	217
Чёрно-белое	220
Слияние.....	222
Звёзды в лужах	223
Русская тройка.....	224
Закон притяжения	225

В плену чужой любви

Станционный смотритель	228
Божественная мысль	229
Черта	230
Покаянная пьянка.....	231
Гении и Бог.....	232
Вокзал	233

Пьянка по-русски	236
Долг	238
Подмена	239
Критическая точка.....	240
Раньше и сейчас.....	241
Скверик любви	242
Шарики	243
Осень-целительница.....	244
Моё второе «Я»	245
На утро	247
Сам хорош!	248
Жизнь-театр.....	249
Пророческий ветерок	251
Московский дух.....	252
Деревья	254
Последний трамвай	255
Снег и музыка.....	257
От чистого листа	258
Ссора друзей.....	260
Бессмертие мысли	262
Чудо мысли.....	263
Три слова	264
Курносая жизнь	266
КСПешная поляна	267
Взросление любви.....	269
Собачья преданность	271
Смысл спора	272
Мужская тайна	273
Утешение	274

С уважением к себе	275
Триптих.....	276
Фанатизм.....	277
Муж и отец	278
Пробуждение поэзии.....	280
Весна и рабочий	282
Старушки	284
Формализм.....	285
В плену чужой любви	286
Пустячный спор.....	287
Российское терпение	288
Удел бедняков	289
Безголовая нетерпеливость.....	290
За шторами	291
Источник творчества.....	292
Летний дождь	293
Инвалиды.....	294
Лето	295
Дождь.....	296
На выгул!	297
Очки от стыда	298
Времени счёт	299
Полёт листа.....	300
Письмо с фронта.....	301
Победные дожди	302
Спасительная рыбалка	303
Ранение	304
Стихи про белое	305
Пока.....	306

Молитвенные берёзы	307
Я – человек!	308
Склеенная ночь.....	309
Взгляд-птица.....	310
Танцующая с ветром	311
Мой старый-новый город	312
Мой дом	313
Плата поэта	314
Надежда полумрака.....	315
Мой Арбат	316
Вечерний листопад.....	317
Верь, душа!	318
Вспоминая отца	319
Машины	320
Животворящая берёза	321
Огонь.....	322
Жизнь за друзей.....	323
Святая Русь	325
 О фонде «Глас ангельский Руси	 326

Николай Михайлович Косых

Люблю тебя любой, Россия...

Редактор: Гревцев И.Д.

Дизайн обложки: Епихин М.Н.

(материал для обложки взят из интернета)

Отпечатано в типографии «Принт-формула»

г. Москва

500 экз.